

Оак Баррель

ЛАВКА ВРЕМЕНИ

*Стихотворения,
написанные в ходе созерцаний
и путешествий*

Авторская книга
Москва
2014

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
Б25

Баррель О.
Б25 Лавка времени / Оак Баррель. – М.: Авторская книга, 2014. –
168 с.

ISBN 978-5-91945-685-8

«Причина появления на свете стихов предельно однозначна. Они – разрядка, зов, крик, вздох, жест, реакция взволнованной души, стремящейся выплеснуть или осознать возбуждение, эмоцию. В этой главной, изначальной и важнейшей своей функции не поддается оценке никакое стихотворение. Прежде всего оно обращено лишь к самому поэту, оно – его дыхание, его голос, его греза, его улыбка, его припадок. Кто возьмется судить об эстетической ценности ночных сновидений и о целесообразности движений рук и головы, мимики и походки?!» – Герман Гессе, лауреат Нобелевской премии по литературе (1946).

Во второй книге замечательного русского поэта, выглядывающего с улыбкой из обжитой им бочки (Оак Баррель – «дубовая бочка», англ.), представлены стихи последних лет, написанные «в ходе созерцаний и путешествий». Просто наслаждайтесь хорошей поэзией!

16+ В соответствии с ФЗ № 436.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-91945-685-8

© Баррель О., 2014

Часть 1

ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ

Я ЗАПОМНЮ ТЕБЯ ТАКОЮ

Сонный, странный, почти что голый,
Я сижу на балконе. Голубь
Под окном шарит средь газона.
В виде треснувшего вазона
Городской горизонт вдоль неба.
Человечки идут за хлебом –
В тот, что в шаговой... И резонно
Спросит, чьих так боюсь вопросов:
Где же твой, что бессмертен, носит
Дух? Ты снова, разжав пружину,
Выпускаешь на волю джинна –
Не того только лишь, что строит,
Но другого – который воеет
Вместе с волком в пустынной ночи.
Жизнь длинна. Смысл ее короче
Тени. Но верить хотелось в небо,
В то, что где и когда бы ни был –
Где-то выше, и над тобою...
И теперь, сидя здесь, не скрою,
Что вдали синева, лаская
Твое тело, мое пускает
Самолетом бумажным в бурю.
Легче тем, что хотя бы курит –
Это все ж хоть какое дело...
Сердце сжатое онемело
От секунд, что прочней железа.
Время – нож. От его пореза
Нет ни нитей и ни повязок.
Горизонт, словно сор, из глаза
Вынимаю, уйдя за стены.
Афродита, взойдя из пены,
Машет мне, как тогда, рукою.
Я запомню тебя такою.

ЛЮБОВЬ

Может, не божество – но бабочка с твоего плеча
Улетает счастливой. А та свеча,
Что мерцает над пропастью, в противовес тьме –
Даже погасшая светит мне.

КАРМЕН, НАПЕЙСЯ!

Не плачь, Кармен! И не ломайся в танце.
В каком-то веке суетные шпанцы
Способны стали окромя быка
Да юбок знать – к чему еще рука.
Не мельтеши! Запрыгивай на шканцы,
Бери вина и яблок. Нынче мы,
Отваливая в пар перед рассветом,
С небес сшибаем мачтой эполету
Налившейся серебряной луны.
Твои куплеты, взмахи, соль бедра –
Оставь тому завистливому дурню.
Мы вздуем свечи в нашей эпикурне,
И будем дно искать сего ведра.
Кармен, напейся! Я ж не лезу дальше.
Что шорох юбок, что волны отбой...
Представь, я далеко и не с тобой.
Не надо, слушай, каверзы и фальши.
Над палубой грудастою гурьбой
Через залив шмаляет стая чаек.
Мы, может, среди моря одичаем
И также будем оглашать прибой.
Не плачь, Кармен! Я для тебя – любой.

ПОТОМУ ЧТО, ЛЕТЯ НАД МОРЕМ

Ты летишь в самолете. Ветер
Тормошит облака над снегом
Арагаца в пустынной тьме.
Ночь. Попытки уснуть. Вино.
Где-то ниже, на самом дне,
Стынет дом, распахнув окно.
Пальцы шарят в вещах. Виски
Давит гул. Пресноватый чай
Выпит залпом. Мелькают лица.
Растянувшейся в кресле львицей
Ты летишь от меня за край.

Потому что, летя над морем,
Видишь только пустыню; видишь
Только белый – до вдоха – воздух;
Видишь Землю, что есть не плоскость;
Что, подброшена, ноет кость
Высотой; и ломаемый ветром борт
То же, что абиссинский форт
Для засевших в нем – способ выжить;
Что разлитый по борту флаг –
Есть не символ страны, но метка
Географии, взмывшей вверх;
Что из Н-ска твоя соседка,
И что в городе этом сверх
Всех фантазий дурно начальство;
И в учении всех гимназий
О телах, что стремятся вниз,
Есть подвох – и подвох оседлан
Тремястами жующих здесь
Пресный ужин и пьющих взвесь
Из вина, анекдотов, чая;
Что младенец кричит, скучая;
Что пилот, прочитав английский

В русских буквах нехитрый текст,
Есть сего королевства Rex;
Назначение что – не точка,
А тире полосы во тьме;
Что, мелькая за каждой строчкой,
Ты летела со мной во сне.

ПОЛУНОЧНЫЙ ОТВЕТ

Дети бьются во сне с кайдзю,
Неизменно держа победу...
Я шепчу что-то в белой тьме,
Что-то вроде «к тебе приеду...»,
Что-то вроде «приеду, но –
Знаешь, это не в нашей воле...»
Это тоже приснилось мне,
Или видится в яви? То ли
Еще будет, когда закат
Заберется под кожу... Годы –
Это, в сущности, тот же ад –
Путь, что нас приучает к боли
(Если слов не бояться). Ты,
То есть некто иной, отдельный
От меня, чьих полков посты
Шарят зорким вокруг прицелом, –
Мы могли бы любить, убить...
Только вместе бывая целым,
Продолжаем спокойно плыть
Врозь. Чем далее, тем умелым
Становиться в годах пловцом:
Меньше лишних движений, тело
Ближе к рыбьему. Так отцом
Бредит брошенный сын, так ветер
Бредит влагой предгорий, так
Обрывается сон. Ответил.

У НАС НЕ БЫЛО ОБЩЕГО ДОМА

У нас не было общего дома,
В прихожей лампы,
Разогретого ужина,
Свадьбы, иной константы
Очага. И шуршали ветви
За окном на деревьях –
А вовсе не наши дети
За стеной в полутьме,
Притворив за собою двери.
И о нас забывало пространство
Со всеми теми, кто был в нем –
Что становится только нашим,
Когда воздух внутри
Выдыхаешь дважды.

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

«В искрящей полутьме ложась на шелк...» –
Как сказано! Отрада носоглотки...
Кленовых рощ краснознаменный полк
Приветствует тебя плывущей в лодке,

А уж подавно – я, поскольку ждал.
В отличие от дерев, волн, уключин,
Скрипящих как десна, предгорий жвал
И прочего природного – обучен

Письму, ты – чтению. И результат сему
Сегодняшний вальсирующий вечер,
В котором мы, летящие сквозь тьму,
Беспечно мебель старую увечим.

ВОСПОМИНАНИЯ НА ПИРСЕ

Ю. К.

Вечер рвется вширь, и шансон угас,
Как сникает брючина вдоль обрубка.
Берег полон пены. Закат анфас –
Смесь архитектуры с гавайской юбкой.

Море жидкой кожей искрит вдали.
И маячит ребрами сонный катер.
И болит когда у тебя внутри –
Волнорез послужит тебе кроватью.

Если вспомнить можешь июнь, июль...
Уж не помню точно я сам, когда мы
Были здесь с тобою. Срывался тюль
Из окна – и падал на голубое

Небо суммой наших сведенных плеч.
Мне в то утро еще бы когда прилечь!

ПИСЬМО ШЛЯПНИКА

И вот я такой, совершенно безумен,
Как Шляпник, Алису веду к алтарю.
Олени у входа. Солдаты в строю.
Народ в ликование становится шумен.

И тут говорю ей: чего же, бери!
И ручку ей медну дарю от двери.
Затем уж мы едем в Париж и Боготу.
Там мы, поедая из местного что-то,

Любуемся видами. Слышим рассказы
О древних царях. Избегая заразы,
Пьем воду из выданных гидом бутылок.
Прекрасны рассветы. И пенист обмылок.

Чудес в кругосветной так много регате.
То кенар поет, то оркестр играти.
Не чая друг в друге души, мы летели
Как птицы небесные, как мы хотели.

Зачем же мне это пристало сказать?
Наверное, просто погода... И меньше
В станице от года становится женщин...
И вот я лежу на холодной кровати,

Все небо теряется в сказочной вате,
И Санта летает кремлевской звездой.
Олени его, не найдя водополя,
Жуют с крыши снег... Засыпаем, и хватит.

ВОСЕМЬ

Восемь.
Бесцельно ломясь о колокол
Ветер силится двинуть его язык.
Переулок усыпан желудем.
Синим к серому виден стык
Крыш и неба. И пахнет солодом
Из подвалов пекарен. Бык
Моста перетянут в холоде
Вод тягучим венком листвы.
Как сосущее чувство голода –
Пустота, где стояли мы.

ВЕЧЕРНИЕ РИМСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ (ВСПОМИНАЯ АНЭЙТИС)

Сталкиваясь с отсутствием как явлением
Пустотности, помноженной на фигуру,
Развлекаю взгляд свой следом растения
В мраморе стен. И внимаю пению
Тростника над равниной. Мою натуру
Не изменишь ни словом и ни железом.
Сердце хоть, со следом пореза,
Бьется мерно о клеть ребра –
С головою в манер ведра
Полной тьмы... Ты тогда исчезла
Так внезапно! И только сны
Возвращают меня в ту весну обратно.
Но ни глаз же, ни кожа плеч
Не смогли сберечь
Твой объем. Только воздух в нем
Свет луны колышет. И в небе ватном
Что-то общее – хоть бы звезду – найдя,
Все же снова вместе, мы вверх глядя.

ЛЮБОВЬ РАЗБИЛАСЬ НЕ О БЫТ

Хоть в чем-то невиновны суп, уборка...
Любовь лишь повод – неглухая шторка,
Скрывающая бездну пустоты.
И был ли смысл переходить на «ты»?..

Хотя не помню, было ли то «вы»...
Однако же рифмуется с «увы»,
И потому уместно. Наш поход
В итоге обернулся лишь в расход –

О нем уже немного напомним:
Ну кто, скажи, старается запомнить
Унылый шкаф да утлую ладью
Кровати?.. Оставаясь на краю

Я эту песню грустную пою
(Раз нет тебя) седому фонарю.

О ЛЮБВИ, СОСНАХ И СИРЕНАХ

Не столь величественна, сколь великовата,
Ссутулившись, чуть искоса, в ознобе
Ноябрьского инея – сосна
Взирала на меня, роняя вату
Зеленую с изогнутых ветвей.
И неба растекающийся клей
Взимал пером с пичуги свою плату
За право в переломанных лучах
Барахтаться. Округлое в плечах
Всходило солнце, неизбежно грея.
Но силы сей небесной батареи
Хватало лишь упрятанной в шерсти
Глазастой белке, севшей на кости
Того же древа, век ему расти...
Я сделал шаг и удалился б вовсе,
Но что-то в звездах скрипнуло,
Вильнуло – и я остался,
Сей звезде воздав:
Немногим получасом опоздав,
Тобою был захвачен скоро в плен –
Тот самый, что наследием сирен
Прекрасная наделена порода.
Что скажешь? Такова природа...

КТО МЫ?

Коль разлука – основа памяти,
Моя память полна тобою.
Это связано ли с судьбою,
Или случаем? Есть ли разница...
Мы сыграли в частицы целого,
Не гадая когда-то выиграть –
Но в итоге, на грех-то выиграв,
Продолжаем идти. Горелого
Запах вечно сулит недоброе.
Но не в нашей манере, милая,
Жечь мосты или место лобное
Заливать из артерий, вилами
Ворошить на ветру солому...
Нет лекарства тому излому –
Да и нет в нем нужды. Дорогами
Проходя, что тебе знакомы,
Улыбаюсь неволью. Кто мы?

НА ХОДУ О ПОЭЗИИ И ЛЮБВИ

Земных созданий и поэзия земна,
Предметна и очерчена постелью,
Стенами, лицами, фантазией, вином,
Тем, что мелькает вечно за окном
Бесцельной кутерьмой. И снова я,
Пристраивая на груди подкову
Беспечных слов, рисую силуэт
Той женщины...
Какой-то женщины – не важно! Габарит
Луны неспящей над равниной свит
Из полукруга и обрывков света.

Срывается на «ты полуодета...»
(Как узко шьет извилина!) Пиит
Из свойства ненадежного предмета,
К каким относятся погода и любовь,
Всегда находит чем разбавить кровь.
Закат возносит в форме туалета
Красавицы придворной перья тьмы –
Так много горизонта, фиолета,
Порывов ветра, шелеста травы,
Каких-то пешеходов, «ж» кустов,
Вонзающихся в берега мостов,
И переходов с безразличных «вы»
На теплое «иди сюда, родная».
Потом ты – вспоминая, забывая –
То каменеешь от бессилья, то
Запахивая мятое пальто,
Идешь как Дон Кихот на каланчу,
Себе под нос: «Смотрите, я лечу!»
(Раз этот бред ты все еще читаешь,
Терпенью твоему прими поклон.)
Ты слышишь? За стеной аккордеон
Играет что-то на мотив парижский.
Ах, что за город! Но другие стены
Вокруг тебя... Тогда представь хоть так:
С тобою мы идем через некий парк –
Вокруг березы в перекрестье с пальмой,
Снуют над первоцветом снегири,
И бабочки летают в цвет зари,
И наш стоит с открытою купальней
Дворец... Да, твой велосипед у парапета,
Конечно же... И ты полуодета...
Ну, в общем, будет время, набери!

ОСЕННИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОПОССУМА

Среди признаков внешних природы
Все скромнее присутствие лета.
Ты одета не так уж. Свободы
Больше в воздухе. Менее цвета

В окружающем. Грозы шумнее.
Все, что вырвалось ввысь, – опадает.
Я спокойнее (но не умнее).
Свет не льется, но лишь оседает

На плечах. В перевернутом небе
Сводит инеем первым рассветы.
Ночь встречает в перинах и в неге.
День, встречая, дарует ответы.

Все как будто срослось, что ломалось.
Все в порядке. В шершавую кожу
Впитан крем. По углам что металось
Мрачной тенью – уже не тревожа,

Растворилось – как не было. Где-то
Ты идешь меж домов и деревьев.
Ты – та часть бесконечного лета –
Навсегда – лишь однажды поверив.

Ты поешь, но вечно не спета!

О, БЛАНМАНЖЕ!

О, бланманже! О, измельченный трюфель!
Я слышу стук твоих парадных туфель
О лаковый пылящийся настил.
И, коли было сказано, простил

Тебе я суету своих ночей –
То, уж впуская спиртовой ручей
В свою аорту –
Посылаю к черту

Твои объятья. Так пустей, постель!
Будь хладен, мрак, отсутствием гостей!
Червона прядь, сметаема с плеча,
Суть окончание любви паралича.

ЗАПАХ ВЛАЖНОГО ВЕТРА

Голодный рот луны, впиваясь в небо,
Ломает ставни, что затворены.
Коптит фитиль. Разбросаны бумаги.
Струится полоса небесной влаги
Вдоль притолоки. Разобрать лица
Ни в зеркале, ни в тени, ни в воде
Не получается. Подумав о тебе,
Быстрее взглядом пробую огонь,
Что бы слезы случайной на ладонь
Паденье объяснить привычкой к тьме.
И шелестом акаций где-то вне
Сорвавшиеся приглушить слова.
Я слышу телом: ветра булава
Бьет в стены. Переложена глава
Пустым листом, готовым перенять
Написанное... Полно о пустом.

Я много за последние ходил
Дни берегом, как твой велел совет.
Не спорю, это лечит. Если б нет,
Я б снова сел глаголами увечить
Бумагу на скрипучий табурет.
Да, к слову, заказал тогда у местных
Развалистое ивовое кресло,
И теплым вечером, что не чета тому,
Что с грохотом сегодня мелет тьму,
Я восседаю важно на террасе.
Представь себе! Пробоиною в каске
Мне также стал подержанный баркас:
Теперь, когда природе не до нас,
Со страстью выхожу я на форель.
На местности вступил в права апрель –
Снег стаял, и кругом такая слякоть,
Что, сказано, «набрать чернил и плакать»...

ДВА ЧЕТВЕРОСТИШИЯ ЖЕНЩИНЕ

Цветущая, прекрасный прах земной,
Моя царица, сторож зоркий, книга,
С которою не ново под луной,
Случайности той памятной интрига;

В бесчисленном количестве страниц
Присутствуешь чеканною строкою,
И средь толпы меняющихся лиц
Одно твое лишит меня покоя.

ВЕСЕННИЙ ЭКСПРОМТ

Вот уж ветер свилсѣ калачиком –
Теплый, нежный, весенне-бархатный.
Не заканчивать, что не начато –
Да к чему нам ткать вместе с Парками?
Это их дела, это их удел...
Покажи нам мел – скажем мы, что бел.
Покажи звезду – мы утрем слезу.
Ты, теплом маня, обними меня.

ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ

Я сижу один.
Этот акт сидения выражает...
отказ от шага, близость
камню или растению,
неизбежность победы низа
над вершиной, тиши –
над пением или сна –
над страстью или капризом.

Я сижу один. И завернут в воздух,
Пропускающий...
буквы, позы, время,
запах мебели, кофе, розы,
звук дождя или что там – вне
моего пространства мелькнет в окне.
Я сижу один. И, закрыв глаза,
Вижу тени, среди которых...
той, что снова увижу скоро.

ТРИ ЗИМНИХ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ О ЛЮБВИ

Хлопья – вниз, становясь
 снегом;
Снег лежит, становясь
 кожей;
И земля под твоим
 следом
Засыпает холодным
 ложем;

Засыпают скамьи,
 ветви;
Засыпает твой взгляд,
 голос;
Распускаются все
 петли,
И спадает до плеч
 волос;

Волос твой, что в ладонь
 падал,
Становясь для меня
 пленом;
Волос – тот, что, стелясь
 рядом,
Был прибой в ночи
 пенной.

ЖЕНЩИНЕ

Ничто не изменит природу вещи –
Но ни природу взгляда.
Стопа, наступая на грани трещин
Легка. И, казалось, рядом

Ложится лишь тьма, обжигая тело...
Но, глядя в свои ладони,
Находишь все то, что всегда хотела
Увидеть – так небо стонет

Дождем, разливая по землям соки;
Так чувствует тело ветер;
Так взгляд, пробегая небрежно строки,
Становится чист и светел.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Сад уснул. Белой яблони цвет...
Нет, не так...
Я Вас вижу, бывает, в печальных...
И когда б ни вчерашний обед...
Но едва Вы коснетесь случайно...
Как в той песне поется, скучаю...
Та-да-дам... ммм... Ваш ответ...
Вы, являясь как утренний бред,
То есть нет – как в тумане мираж...
И едва свет касается чаш
Ваших... ммм...
Сердце рвется в груди... Бигуди
Облаков, что свернулись поверх
Моря глади... И к этому сверх
Ваш летящий сквозь них силуэт,
Что дороже, чем воздух и свет!

ДУРАЦКИЙ ЭКСПРОМТ О ЛЮБВИ

Ах, зачем Вы, сударыня, нервны...
Я хотел Вам всего лишь сказать,
Что, хотя я, конечно, не первый,
Но, возможно, не худший – как знать.

В этих парковых кущах столичных
Мы среди статуй ушедших стоим.
На губах Ваших крем земляничный.
Небо смазало солнечный грим.

Жизни путь и извилист и темен,
И куда он выводит опять...
Сердца стук в темноте неумен.
Корабли нам не стоит сжигать.

Эти строфы заклинило – так же
Как заклинило мозг мой и нерв.
Место здесь для случайного... Скажем...
«Банк содержит наличных резерв».

ЕЩЕ НЕ ВЕРИШЬ В СНЕГ, НО УЖЕ – В ХОЛОД

Еще не веришь в снег, но уже – в холод.
Осень съедает листья, и парк голым
Стоит, стыд укрывши оцепененьем,
Как наркозом. Птицы не слышно пенье

Поутру. Жестяной барабан небесный
Отбивает о ветер мотив совместно
С молотьбой дверьми о застывший воздух.
Не несешь красавице нежной розы,

Но коньяк и закусь потяжелее –
Их полезней принять, чем листву, болея.
Солнца радует луч, как кусок собаку.
За тепло в ладонях – готов и в драку.

Я люблю тебя, и ты знаешь это.
Мы всегда с тобою – когда-то, где-то.
Тут не знаешь сам, где себя находишь.
Выйти суждено не всегда, где входишь.

Я бреду сквозь ветви – сутулый ящер,
На тропу в листве глаз во тьме тараща.
А вокруг, насколько хватает карты,
Расстелился осени рыжий фартук.

ЗОЛУШКАМ И ПРИНЦЕССАМ

Ура! Ура! И к нам бежит рассвет!
И тыква, сказано, уже лежит в канаве –
И без нее продолжено все в яви:
Красавица и туфелька, корнет...

Все рады, а вокруг переполох.
Разбросаны одежды как попало.
И если что-то в эту ночь пропало –
То к счастью! Под матрацами горох

Не сыплет боле. Что в горохе проку?
По замкам разбежались короли.
Красавицу не победить с наскоку...
Иль победить... А впрочем, се ля ви.

Я ПОЕХАЛ, ПРИВЕТ!

Нынче ветрено... как сказано, и влажно,
Льет с небес по самый край, не увернуться.
Мне б в плечо твое сейчас лицом уткнуться...
Впрочем, не бери на ум... не это важно!

Важно то, что я опять куда-то еду.
Камнепадом будут сыпать дни и ночи.
Что-то все эти минуты сердце точит.
Впрочем, это тоже бред... и я приеду!

Я приеду – весь такой хоть на венчанье.
С медом, шишками и в пиджаке парадном!
Хоть, конечно, завсегда ты рядом...
(Эта вставка мне нужна для окончанья)

КОРОТКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ О ЛЮБВИ

I

Я в синей тишине
Жду грохота трамвая.
И звезды в вышине
Мерцают, умывая

Свои глаза о тьму.
И этот вечер длится
Полжизни... Обниму
Тебя, и наши лица,

Отдавшиеся сну,
Сомкнут свои ресницы.

II

Рассвет пьян росой и мглист,
И солнце, лоя губами
Слетающий с ветки лист,
Едва согревает. Снами

Овеяны лица. Чист
Воздух, и день пред нами.

МАЛАЯ ЛЕТНЯЯ ФАНТАЗИЯ

Ветер тащит туман сквозь тьму,
Обдирая о ветви небо
Его белого рта. В дыму
Пляшет пламя, стреляя искрой
В сырость утра. Склонившись, оба
У костра словно спят. Повисла
Тишина – неизвестной нотой.
За спиною клубится что-то
В комковатых тенях. Рассвет.
Холод в пальцах. Роса в листе.
В виде сваленных туш животных
Облака. След луны над рощей.
Божьей длани знакомый росчерк
Горизонта...

...тебе и мне

Это видится разным, знаю.
Но когда я смотрю окрест,
Вижу ту, что из всех невест
Мне желаннее. Вот же крест!

В ТЕ ГОДЫ, ЧТО МАДРИД СТОЯЛ В ОГНЕ

*Несчастные войны! Разве видений,
Пророчащих гибель вам, вы не видали?
Д. Г. Байрон*

В те годы, что Мадрид стоял в огне
И что-то к каждой двери подступало...
Когда я свой покой искал в тебе,
Сминая под тобою одеяло,
И туюль на уходящем в пол окне
Распахивался, как прозрачный ватник,
Я узнавал по трещинам в стене
Свой дом – так байроновский ратник,
Идя на гибель, все ж увидел знак,
Но, не увидев суть, все шел, зане
Привычен к благородной вере.
Полуденного неба ясный клочок
Был виден нам; тогда, лежа в постели,
Мы мысленно делили потолок
На твой и мой... Мой держится доселе,
Но что с твоим – не знаю. Приволок
Охалкой годы седовласый Хронос.
Как видно, в нашей жизни вышел срок
Телесного – остался только голос.

Я тень кладу на взгорбленный паркет,
На стены и на вещи – в виде полос,
Ладонями приглаживаю волос
И забираю со стола билет...

28 СЕНТЯБРЯ

Куда уже, выбалтывая адресом
Число, нам, каблуком топча листву,
Идти с тобой, родная – нету разницы.
И время, повинуюсь естеству,
Плодит секунды.

Мы, наверно, были ближе, чем
Кожа – в этом теплом сентябре
Друг к другу. Этой близостию движимы,
Слова и кровь текли к одной тебе.
Валился лист,

Дома несло сквозь дымку,
И солнца меж ветвей светил желвак.
Была бы ты крестьянкой – я б косынку
Тебе привез из города... А так
Трясу словами без надежд особых.

Печать – не только «вор»: бывает «проба».

ЛЕБЯЖЬЯ КАНАВКА

Не любил дорог, но куда-то ехал,
Раздавались рядом порывы смеха,
Раздавались шепот и вздох досады,
Гомон громких свадеб и шум парада.

За моим плечом перевернут город –
Это снова Питер, и снова в темных
Водах виден дом, что стоит напротив,
И провалов окон, что черных сотен.

Это здесь когда-то, с тобой гуляя,
На Лебяжьей вечером мы стояли –
И тогда за небо вела дорога,
Нам ни края не было, ни порога.

Каждый след, что брошен земле нечаянно
Есть стопы прошедшей и камня тайна.
Как над шпилем птица о ветер бьется –
Я пою глаголом, пока поется.

ПЕНЕЛОПЕ РУССКОГО КРАЯ

Я бы звал тебя Клавдией, ты же
Мне вязала овечьи носки;
И наш дом наполняли бы иже
С нами дети; в минуту тоски

Мы б зелено вино распивали,
Лежа в сеньях под свист соловья
И гармони, что душу б нам рвали;
Мы б с тобой вспоминали края,

Что зовутся поэтами «юность»;
И летела бы известь со стен
В те минуты, что мы окунулись
В нее снова; а звуки сирен

Мне бы боле не слышались. Знаешь,
Жизнь прожить – не того... перейти
По росе. Тут невольно залаешь,
Что ни шаг, то сбиваясь с пути.

НЕОБЪЯСНИМОЕ ЧУВСТВО ЧАСТИ

Необъяснимое чувство части –
Живой, но оторванной в самом сочном
И пульсирующем изгибе,
Отгороженной улицами, дверями,
Другими людьми, ночью,
Сетью слов, приличий и многоточий
Тайны, смешной в своей прямоте,
В подобие деланной хромоте –
Отведенных взглядов, недоулыбок,
Сделанных в жизни листах ошибок...
Мне эти дни, как один – не те.

ЛЕТНИЕ ИДЫ

Небо, черствеющее синевой,
Уже не роняет под вечер солнце,
Но по шаткой столешне катит
Выгорающий медный шар;
И дома, что – насколько хватит
Их засушенной вздутой жабры –
Пожирают пространство; жар,
Средь стекая небрежных крон,
Опалает траву, и птице
Жжет крыло как в печи главу
Хмурый мастер, отринув сон.
Дом мой пуст. Что-то гулко ходит
Среди комнат – фонарный блик
Вырезает из тьмы то лик,
То рога; и на грани слуха
Слышен танец в его шагах.
Свет вскипает и снова гухнет.
Через веки мои старик
Также некогда будет, сухо

Обводя вдоль глазниц за сном,
Ждать чего-то – но лишь в ином
Мире. Я же сжат, как в прыжке
Гортань, зная: рядом со мною та,
Что, как в сказке – поди достань! –
Не коснется щекой перста.

СОЗВЕЗДИЕ

«Воротишься, купи себе на ужин
Какого-нибудь сладкого вина...»*
Твой голос в телефоне чуть простужен.
Касаясь неподвижного окна,
Твое плечо отбрасывает тень
От желтой лампы на пустую стену –
Как сброшенное платье в давний день,
Когда я шел от шеи до колена.
Настал ноябрь, и в ладонь зажат
Не теплый луч, а предвкушение снега.
И чай в стакане не налит, а вжат
В стекло – как то созвездье в небо,
Которое смотрело на тебя,
Когда ты первым криком огласила
Пространство полуночное, войдя
В подлунный мир. И чтоб ты ни просила
От свернутой пружинами судьбы –
Должно случиться в виде волшебства,
Которому и ты сама сродства,
Наполненная нежностью и силой.

* И. Бродский. «Воротишься на родину. Ну что ж...»

О ЛЮБВИ КАК ЯВЛЕНИИ СРЕДИННОГО ПУТИ

Говорят, что любовь – случайность...
Верят в то, что любовь – судьба...

Я – слуга, господин, мастер чайной
Церемонии, чей удел на земле – ходьба
Вдоль по времени, предпоследнее
Воплощение Резгон Като –
Говорю: это нечто среднее.

Если ты, только слыша «кто?»,
Сразу знаешь о ком – последнее,
Что случилось с тобою – то.

НЕБО ПОД БЕРЛИНОМ

Мы ехали сквозь улицы Берлина,
Обернутые сумрачным свинцом.
Я, что возможно, будущим отцом,
И ты – лишенной пачки балериной.

Автобус поднимал из-под колес
Ошметки покрывал шипящих луж.
Над плацем грудой высился колосс,
Взирая бронзой на людей окруж.

Я долго среди жарких одеял
Искал твой взгляд, но находил едва
Заметный выдох – и все так же спал,
Скрывая свое сердце за слова.

ШТОРМ НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Дождь полон серебра. Стучит кольцо
Причала, где, приняхиваясь, лодка
Качает над водой точеный нос.
Бугрятся облака вокруг провала
Резвящейся стихии – в синеву
Распахнутого неба. И к нему
Вздывается промокшим одеялом
Обветренная грудь, ломя волну,
Морской пучины.

Будто выиграв войну,
Покатый берег поднимает в ветви
Опутанные к тучам тополя.
И в этом стоя хаосе, я где-то
Между водой и светом жду тебя.

ПИСЬМО О НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПРОГУЛКЕ

«Листва, засоренная проводами,
Роняет огни фонарей на стол
Каменной набережной; шагами
Можно измерить волну, шагая
Вдоль нее; и стекает пот
Холодного воздуха с гор на порт.

Мы как две вставшие в стойку рыбы,
Набившие жабры воды вместо
Ее отражением – ищем место
Кормежки и нереста, повсеместно
Роняя косые на стены взгляды.
Я в чем-то выцветшем, ты – нарядна.

Мы встретились, как подобает встречам,
Негаданно, в белом листе калеча
Цифры своих телефонов, чтобы
Друг друга не знать никогда до гроба.
Но что-то связалось узлом у Парки –
Изредка дарит судьба подарки...»

Пишу тебе эти ночные строки,
Плевав на пространства разрыв и сроки!

ВУЛЕ ВУ КУШЕ АВЕК МУА И ПРОЧАЯ

Ты вся изрядна и стройна как трость,
Притом со всем, что нужно, – полукругом.
Я только лишь мелькнувший подле гость
С отметиной скучающего друга.

Ты влажным взглядом оживляешь все,
На что он падает, – и даже мертвой мухе
Могло бы верить, что он ее спасет,
Коль было бы чем верить. Ходят слухи,

Что нас накроет всех метеорит,
И вывернет планету, как и прежде...
Тем более – коснусь твоих ланит,
Распахивая тело под одеждой.

Трагедия забытого певца –
Не в том, что он уже никем не слышен,
Но в том, что чрез отверстие лица
При этом он исправно годы дышит.

Короче, вуаля и се ля ви,
А ля гер ком – и прочая туда же.
И если вы клялись кому в любви
Не ночью, то судьба пути укажет.

ПИСЬМО ИЗ ДРУГОЙ ЧАСТИ ГОРОДА

Если
Проползти через мрачный город,
Взвеси
Жидкой дымки,
И если взвесить
То немного, что имеет цену –
Твои плечи, глаза... – короче,
То, что ты представляешь в целом, –
Это больше, чем рассказать
Можно словом. И это сцена,
Где я счастлив с тобой играть!

НИГДЕ

Нигде, ни в одном окне ты не увидишь наших
Двух силуэтов, пьющих закат. Старше
Нас – только камни и берег моря.
Нам не делить постель, не делить горе,

Нам не делить радость вечерней встречи,
Порознь наши следы, наша дробь речи,
Рвущая тьму над постелью, стеля дале,
Чем мы могли бы быть и куда попали.

Это, наверное, правда, поскольку тише,
Нежели писк комара и возня мыши –
Верные признаки истины. Это с нами
Не происходит. Лишь глотка гудит словами.

Часть 2

ЛАВКА ВРЕМЕНИ

ВЕЧНАЯ ИГРА

Не относясь к завидным женихам –
Потертости, сарказм, дурной характер, –
За чай плачу хозяину дирхам
И улетаю словно птеродактиль

В холодный плен курганов и степей.
День скручен судорогой, избылья рог
Иссяк, на грех. И сколько ты ни пей –
Недосягаем горизонт, но лишь порог

Переступаешь, оглянувшись нервно:
Мол, надо б с правой... но теперь уже...
Подмечено по-варварски, но верно:
Судьба всегда приходит в неглиже,

И у нее любой из нас не первый
И не последний... Что-то в облаках
Такое видится... И на столе консервы,
Как Лазарь – встают на плавниках.

Что мне сказать, красавица ли, друг ли?
Не вижу... существуешь ли вообще?
С лица свисают тени, словно букли.
Твой камень на раскрученной праще,

И – миг еще – ударит мне по ребрам...
Но, верю, что из побуждений добрых.

ТАМ, ГДЕ НЕБО СМЫКАЕТСЯ С ТРАВАМИ

Там, где небо смыкается с травами,
Ты бежишь, и пустая ладонь
Треплет воздух. Там, в золоте плавая,
Солнце жжет по плечам. Там огонь

Лижет полночи тьму. И оправою
Служит взгляд вознесенный звезде.
Я туда тороплюсь переправою
Тайных троп, приводящих к тебе.

ТО, ЧТО ВЫЖИЛО

Я – то теплое, что родилось,
То, что выжило, что росло,
Что учило слова, что снилось
Той красавице, что ушло,
Что осталось безуздым, беглым,
Что чудило среди других,
Что меж темным жило и светлым,
Берегло от чужих своих,
Что теряло монеты, зубы,
Ясность взгляда и соки губ,
Что других по одежде судит,
В перспективе что хладный труп,
Что, и этой коснувшись чаши,
По привычке продолжит пить,
Что взывало к горам и чащам,
Основанья ища любить.

КУПОЛА

Где же ты, город золотых голов?
Где же, первопрестольный?
Суммой семи не прямых углов,
Тенью от колокольни –
Мне ты мерещился в полночь;
Путь не прямой, окольный
Вдоль переулков твоих. Пророчь
Гомон вселюдный вольный;
Хохот пророчь и веселья пляс.
Что на мирú – не больно!
Слышится ножен скребущий лязг...
Что ж ты, первопрестольный?
Что же загнал ты под кожу тьму?
«Хватит! – кричу. – Довольно!»
Только не слышно теперь ему.
Только орет крамольно
Юрод среди пустыря... К чему?

НА ХОЛОДНОЙ СКАМЬЕ В РОЖДЕСТВО

На холодной скамье в Рождество,
Ощущая с волхвами родство,
Ты, невнятно молитву мыча,
Крутишь в пальцах трилистник ключа.
И морское чудовище – ночь,
Накрывает чернильным нутром.
Плоскость улиц, как некий паром,
Чьих-то сына сближает и дочь.
Камень холоден – вырван из тьмы.
В подземелий скучающий прах
Гулких норах – далекий сумы
Да тюрьмы – воспаряет в парах

Приглушенного гимна в ночи.
Шелест теплой с изнанки парчи
На плечах капеллана. Строчи,
Сердце! Голос унылый, молчи.
Пусть лишь светит седая звезда
Из далекого – прямо сюда.

ПАРИЖСКАЯ ПРОГУЛКА

Ну что же, снова – я в твоих камнях
Блуждаю как мотыль по парусине
Осенним вечером. Каштаны на углях;
Без штор окно; свеча на клавишине;

Сутулый клирик переходит парк
Меж кутерьмы гуляющих студентов;
С реки на тротуарах серый пар;
И голубь – часовой у постамента.

Над бывшим королевством небосклон
Увенчан лилией – в признание таланта
Придать постели мягкость и уклон,
Удобный для кудрявого аманта.

Алжирец в кепи собирает сор
На авеню Монтень. Черствеет голень,
Пока, идя чрез вымощенный двор,
Себя Людовикам ты ощущаешь вровень –

Когда б не по богатству, но по снам
О невозможном. И находишь вскоре
Там ресторана бархатный бедлам,
В котором гвалт как в воробьиной ссоре,

И черствый хлеб в корзинках на столах.
Затем до света ищешь переулок,
Дом с лестницей в гранатовых стволах,
Где неизбежно зал с роялем гулок,

Где корешки всех книг содержат «La»
И тень красавицы на мебели остывшей,
Где разбивающая форточку заря
Напоминает будущее в бывшем.

ПАМЯТЬ НА ЛИЦА

Наверное, мы лишь то, что мы помним.
Возможно, еще немного надежды;
Вера в то, что тот, кто не сломлен,
Идет дальше жизни. Как не нужна одежда

Тому, кого нет в натуре – лишь та же память;
Что-то, лишненное страха пули;
Чья-то мертвая мышца. И проступает камедь
На деревянном кресте... на стуле.

Дома и дороги мы выбираем сами –
Отчего живем и ходим мы где придется?
Наша память дольше, когда б часами
Ее мерить. И лента все так же вьется

У тебя за плечами. Солнце.

БЕСЦЕЛЬНОЕ

Сижу без дела, силясь что писать...
Я, пребывая в утомительном процессе,
Что сказочник – и принцу и принцессе
Состроивший козу – тащусь в кровать,

Так не испачкав толком ни бумагу,
Ни простыни, все отложив на позже,
Натягиваю порванные вожжи...
Какая, впрочем, разница? О флягу

Скользит губа. Товарищи далеко.
Подруги златовласые... Пустое!
Мужчине и лежать пристало стоя.
Но в этот вечер смеженное око

Довольствуется видами холмов
(Отнюдь не тех, что убраны в шелка).
Я наблюдаю молча в потолка
Неровностях – улиток и слонов.

Мир полон врачевателей и тучных
Ростовщиков, священников, хламья,
Забывших книг, искусного вранья,
И вечеров обыденных и скучных –

Средь коих добродушествую я.

ЩЕНОК

Превращая мебель в небыль,
Щен врывается в пространство
Светлых комнат в половицах.
Изумление на лицах:
Все вверх дном, долой убранство...
Уши, лапы, тарарамство,
Беготня, и нервный срыв
У кота! Щенок – порыв,
Вихрь мягкого подшёрстка.
Детский взгляд, живая горстка
Теплого, игры беспечной
Небом под вселенной вечной.

ДУРНОЙ ПОСЕВ

Суммируя полученные знания
С бокалом пива и кальмаром в соли,
Я нахожу, что знаки препинания
Есть проявленье ослабевшей воли;

Что звезды нависают на клею,
Прилепленные к куполу гигантом;
И если я со сцены не пою,
Не значит, что не отличу дисканта

От тенора (да, чистое вранье...);
Что проявленье темное природы –
Осевшее на кронах воронье –
Причина есть засушливой погоды.

Беспечный разум более открыт
Всему, что пролетает как случайность...
Вершина творчества – обыденность и быт;
Любви вершина – сущая банальность.

О, семя слов! О, плевела глаголов!
Нагроможденья праздной болтовни!
Мы – результат пропущенного гола
Во чреве нашей матушки-земли...

ГИМН БЕГУЩЕГО НОСОРОГА

Коли царь, то правь!
 Да расти, капуста!
Перебраться вплавь,
Иль шагать вдоль русла –

Выбираешь сам –
 Но труднее сделать.
Прислони к глазам
Мне ладонь, и тело

Успокой теплом –
 Что твоя природа.
Улицы излом.
И дурна погода.

Что тебе сказать?
 Не нужны нам вести.
Будем вспоминать,
Как не стали вместе.

СИНИЙ ПУТЬ К БОЖЕСТВУ

Темно-синий лоб. Желтые глаза.
Пустота, обернутая в себя же.
С плеч срываема поклажа
Бьется оземь. Искрит гроза.
Лист трепещет в порывах. За
Каждым шагом вода сметает
След. И шепотом оплетает
Тьма колонны. Светла слеза.
Шорох, где по песку гюрза
Проползает в холодной тьме.
И смешалось «внутри» с «вовне».

ПАЦАНОПОВЕСТЬ

Вещи нет – ни продать, ни бросить.
Так тебя в белый свет выносит
Мать, кричавшая на рассвете.
Все, как сказано, чьи-то дети.
Все, наверное, дар свободы.
Жизнь принесшие эти воды
Свою соль на тебе оставят –
Том несущемся, что заправит
На ходу не в размер рубаху,
Между Богом летя и прахом.
Это ты, без зеркал и кружев,
С детства глядя приклады ружей,
Засыпаешь в душистой гриве
Той красавицы, что игривей
Нет на свете. И твои дети
Повторяют твой путь. Ответь им...
Расскажи, что и сам не понял
Ничего. Что на неба фоне
Человек как иголка в сене:

Знамо, есть, да не видно. Тени
Существуют лишь в пику взгляду.
Что и женщины шьют наряды
Для других же – не нас, для коих
Лучше вовсе без них. Какое
Бы вино ни сжигало вены,
Трезвым будь до начала смены.
Что тепло и хороший ужин
Боле знамени в правой нужен.
Что, наверное, было глупо
Годы тратить... Словами скупю
Скажешь. Но время поставит точки
После каждой пропеты строчки.

ДЕВЫ ДУШИСТЫЕ

Я тут с лихвой нахватался январских снежинок
Пустую ладонью – в отсутствие взмаха крыла...
Метро как невольничий вечно грохочущий рынок –
К словам и бумаге всегда доставляет тела.

Что же сказать темноте, перемешанной с парком?
Ночь натекает меж тел как вода между стен;
Ткущие нити судьбы седовласые Парки –
Почти нам ровесники скоро; что, слыша сирен,

Уж ты не вяжешь плеча к индевеющей мачте,
Но платишь наличными за бутерброд и билет...
О, девы душистые, девы пригожие – плачьте!
Или же смейтесь... покамест не найден ответ.

СОН ГРЯДУЩЕГО ОДИССЕЯ

«Память во тьме выставляет палец
Вверх, давая понять тебе:
Как неучтенный переписью китаец –
Ты есть никто, растворенный в где.

Это секунда акульным зубом
Режет живое, но тут же в прах
Сходит сама. Шестигубым трупом
Шепчет над теменем вечный страх.

Ветер скребется о жесткий волос
Парка. Скамьи, что могилы, в ряд.
Между струящихся неба полос
Тьмой проступает созвездий плат.

Если и слушаешь – не меня уж.
Если, выменивая покой
На безразличье, выходишь замуж
За чье-то прошлое... Не такой

Мог быть финал нашей давней встречи...»
Слышится грохот. Качнуло борт.
Рот перекошен обрывком речи.
Сон разметало. Достигнут порт.

В ЛУННОМ СВЕТЕ

Все, что маячит ныне в лунном свете, –
Бокалы натошак да шевелюр
Висячие сады (за кем осталось).
«Ты, помнится, с NN еще рассталась...
В году “летучей мыши”... Твой аллюр
Тогда бы подломил любую голень...

Да, было время...» Не для авантюр
Теперь сезон, и шаг гораздо тише.
Я трюсь об эти тени как о шерсть
Воротника. Вставая ровно в шесть,
Не сердца, но звонка удары слыша.
Все дальше от прохлады родника –
Все ближе к основанью пирамиды.
«Имел я на нее, не скрою, виды...
Палатка по манеру плавника
Утрами сотрясалась не от ветра...»
Шаги сквозь снег труднее метр от метра,
И сам все гуще, все упрямей он.
Издалека любой оркестр – стон.
Издалека, укрытый облаками,
Дом равен по значенью образам.
Я дорожу, мои родные, вами,
И лица ваши подношу к глазам...

МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Зарисовка

Как слепой портнихи край платья – в воды
Брошен пестрый берег. Своей природы
Торжество глаголет над гребнем чайка.
Горизонта с морем струною пайка.

И следы – свидетельство о двуногих,
Что, ища кого-то, теряют многих.
Дух безликий ломает о скалы голос.
Светит солнце промежду летящих полос.

Небо майкой виснет на кронах пиний:
Бирюза без края, а позже – синий
Дом созвездий – накроет пески и воду,
Сообразно времени суток ходу.

ПЕСНЬ ЛИЛОВОГО КРАБА

Горизонт как трясущаяся рука,
Маяка подманивая перстом
Облака, нам свидетель в том,
Что корабль потоплен,
И левый галс равен правому:
Ибо корабль мертв,
И, приравненный камбале,
Бездвижный лежит на дне.

Капитан же, стальную чью
Мышцу лиловый краб –
Раб придонного ила –
Режет клешней, вничью
Кончив игру с судьбой, –
Вечно теперь с тобой,
Брошенный остов...

Остров мал, каменист, убог –
Порог у морского бога
Некой кути в чертогах.
Трое спаслись – о них
Стих не написан, ибо
Жизнь в сути проза:
В силу длины строки,
Избытка бессвязных фраз,
Усталости глаз, тоски
О несвершенном... Тки,
Парка седая, нить
Тем, кто остался жить.

ШЕПОТ

Я шепчу эту сказку в лишенной слов
Тишине полночной у конской морды.
Наши теплые тени – суть Твой улов,
О, взирающий сквозь этот купол твердый
Белизны в заснеженной вышине.

Продолжение в каждом из нас – в зерне,
Спящем где-то под настом, что нам сулит
Твоя кровь, возродившаяся в вине, –
Стать ростком, умереть в ненастный
День, отбросив цветы к ногам

Рвущей повод кобылы. Счастье.

ГАЗЕТНЫЙ ЛИСТ

То ли ждешь чего-то. То ли просто ветер
Шарит, минуя стены, пятерней под кожей.
Лист газетный, сияясь покрыть газон,
Щурит мокрые строки – и в заголовках
Дыбом сор словесный, что крик ворон,
Подымается в воздух; да лик безвестный.
Что молчишь? И незнамо кого спросить...
Раз на руки, густея, упали тени – сам отвечу:
Мол, слово мешает плыть: ибо в рот воды
Набираешь, галдящий, куда как больше,
Чем способен выпить; и что, продолжая жить,
Губ смыкаешь подкову плотней, чем узы
Сватовства былого. А с неба свисает ветвь
Чьей-то белой руки... Бог уснул? Титан ли
Задремал на любовном ложе?

Берешь портки,
Да идешь, растворяясь в гурьбе прохожих.

МАЛЬТИЙСКИЙ СКУЛЬПТОР

Ты резал камень острием, чеканя
Парижских самодержцев номера, –
И римская, что скошена с угла,
Цифирь ложилась шрамами по ткани

Гранитной мантии. Воздетое руками
Из небытья есть торжество моллюска
Над океаном. Вечером вдоль спуска
Идя в пыли, ты всюду видел камень.

И яблони вдоль лестницы бегущей
Покачиваясь в сумраке, цвели,
Пахучими склоняясь до земли
Бутонами из мрамора, что гуще

Секунд в часу на скошенных ветвях.
Кем был ты? Что искал, что видел?
У статуи твоей столетья сидя,
Соцветий тех вдыхаем сладкий прах...

СПИРАЛИ (КРЕЩАТИК)

Ведь История стоит бумаги,
На которой – кровавой гущей?
О, безликая Память живущих –
Их надежда, предатель, мерило.
Ты, о Город куда-то идущих,
Площадь – смятой в нужде страницей,
Над которым летят белила
Облаков вдоль Крещатика, лица –
Вдоль разбитых витрин, мрак –
По сердцу да рев с обочин.
Этот кус, хоть и жарок и сочен,

Да не глотке роднее – канаве.
Не к покою, победе ли, к славе –
Но к еще одной битве, похоже...
Стой, куда ж ты,
случайный прохожий?!

ЛОРД ТРОТУАР

Я сижу на твоих камнях,
Древний Лондон,
Глядя на перья крыш,
Гнезда узких дворов,
Дым заката,
Губы моста,
Соски Тауэра,
Выставленные тьме,
Початую пинту эля,
Мелькающие огни,
Местного дурака
В клетчатом пиджаке.
И сказал бы: луна в руке...
Но в руке лишь воздух,
И перья крыш,
Гнезда узких дворов,
Дым заката,
Губы моста,
Соски Тауэра,
Выставленные тьме,
Початая пинта эля,
Мелькающие огни,
И – будь неладен! –
Пляшет дурак на облаке –
Что-то родное в облике.

СКУЧАЮЩИЙ ПАТРИЦИЙ

Хотел написать что-нибудь – тебе.
Но слова лишь толпятся: без консула –
На форуме гомон, пощечины, и стрельбе
Не долго уж... Ворон, садясь в гнезде,
Метит клювом пейзаж – так углом дома́
Подпирают предплечья кварталов. Тьма.
Ее шелк, зеркала, жемчуга, опалы...
О, предметность женщины! Кутерьма
Перед выходом – даже в соседний сад.
Бедра, плечи, воды волос, парад
Поступи... Время, надев чехлы
На глаза, чертыхаясь – вперед! Вперед!
Мол, беги, что уселся?! Когда сорвет
Ветром кепку – и та в ледяной реке,
Что окурок в застывшей твоей руке –
Этой сказке, поди ж, не конец еще.
Удивишься, насколько ничтожен счет
За твои пиры. Не ломи ж норы
Потолок – покуда не вышел срок!

СОН

Ты приснился сегодня, мой брат-близнец –
В виде идола в золоте, чей венец
Шире плеч, и тяжел, что глава быка.
Там вставал рассвет, где твоя рука

Над клубами тьмы пронеслась – легка.
Твоя кожа – лед, но пером мягка.
Ты клонился над пропастью полюсам
Той земли далекой, не зная сам,

Где ее пределы. К моим глазам
Приложил, зудящим, строки бальзам –
Да исчез, кивком мне давая знать:
Все одно утратишь, чего ни брать.

Я проснулся в полночь. Моя кровать
Растекалась жаром. И, словно тать,
Чей-то взор, таящийся за окном,
Между штор читал, что казалось сном.

ВЫХОЖУ НА

Выхожу я на крыльцо. Поедаемо яйцо
Сыплю солью... Как там люди?
Солнце – сноп огня на блюде –
Согревает мне лицо. Эх, волшебное кольцо!

Орки скачут чрез поля. Это ты – моя земля!
Бугорки, березы, брюква...
Надеваю мяты брюки –
Верьвь врезается в живот. Все надеждою живет.

Все – любовь... И все морока...
Погибая вдруг – без срока,
Падает в кусты сорока:
Как в сказаньях – белобока,
Чернокрыла, круглоока,
Сухолапа... Просто птица.
В небе облако струится.
Крот под грядкою таится.
Треплет платье ягодица
(Так, конечно, не годится –
Но смотрю уж, раз глядится):
По тропе идет девица.
Утро дачное. Станица...

ОТВЕТ ЧЕРЕЗ ДВА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Ты же знаешь, в эпоху-то Клавдиев
Проживал я вдали от экватора –
Где чухна да их лодки горбатые...
Там, во многих от этого стадиях,

Где был ты, мы не знали сенаторов,
Гладиаторов, форумов, прочего...
Вот, опять мне избу обесточило!
Хорошо, что запас кумуляторов

Есть в сенцах... Ну, гетеры там
Эти... да морозец в ночи, мошкара! –
Не проснешься живою с утра,
Не прикрывши шубейкою срам...

В общем, жили. Я парус налаживал.
Бились с этими, с Запада, рыжими...
Понаделали, помнится, грыжи им!
Кто уж только тогда ни захаживал...

Что письмо твое ныне добралось
До меня – это гут, это очень признателен!
Пишешь мне «плебисцит обязателен»...
А то как же! Чего ж нам осталось?

Жир барсучий к тому ж, ингаляции –
Это первое дело... да париться!
Ты не хмурься, уж как-нибудь сварится
План твой мощной полит-комбинации...

Мы ж того, солидарные нации!

ПОЦЕЛУЙ СУДЬБЫ

Мы с Судьбой на «Вы» – суть дева,
Хоть и древняя... Сутула,
Своевольна, лик – не солнце...
Но, однако же, у стула
Так всегда ноги четыре:
Если дева та уснула,
То еще все хуже... Гнула
Каждого лесинкой – кто-то
С выраженьем гордым морды
Все плевал на что-то, кто-то
Шел понуро как скотина...
Точку ставить же ей вольно –
Больно это иль не больно.
За моей спиной рядами,
Может сами и не рады,
Предки, связаны родами,
То ли смотрят, то ли – правда:
Нет им дела до сегодня...
Я для них иногородний,
Неизвестный, чудо в перьях...
Чье-то будущее, шастя,
Так и мой уж лик уснулый
Отпечатает на ком-то,
Кто и знать о мне не будет.
Это кто тут? – Это люди.
Солнце яблоком на блюде
Катит между пальцев Божьих.
И коней своих стреножив,
Вот История, устроясь
На ночлег, все точит саблю...
Мы же мирные, нам граблю
В руки дайте да малины
Из подола той девицы,
Что тепла и настояща –

Хоть и временна, как пряник...
Ставь, однако, друже, чайник –
Нам пора и подкрепиться.
Кто ж поймет ее до сроку:
Мы Судьбы не просекаем –
То ли будет то «далеко»,
То ли так мы тут, икая,
Сгинем вместе со травой...
Не печалься головою.
Дождь, потоками стекая,
Охладит горячу Землю,
Выбьет пыль всю из обочин,
Смочит гривы лошадины...
Годы, слипшися в години,
Нам как шторы без гардины:
Есть, но толку никакого.
Хочешь лучшего, другого?
Так пойдем. Разгладь штанины,
Выбрей щеки, зуб начисти,
Распрями свою станину,
Наточи, художник, кисти!

РАЗНИЦА ВЗГЛЯДОВ

Здравствуй же, юность, рассвет, секунда!
Разница взглядов на то, что было –
Хлам бесполезный: ведь что в прошедшем,
То на губах не сиропом – сажей.
Даже целуя без рамы фото,
Ближе не сделаешь ни кого-то,
Ни часть пейзажа в лиловой дымке...

*Дымке, укрывшей тогда долину,
Где мы, укрывшись в каком-то доме,
В дом заигрались настолько ночью,
Ночь что устроили даже в полдень...*

Но, возвращаясь к избитой мысли
(Мыслей избыток в избе избитых –
Как огурцов в огуречном поле),
Думаешь ты об ушедшей воле
(Сладко ж о воле на воле думать),
Смехе нечаянном чудной девы
(Девы, одевшись, теперь милее),
Да о мечте, что вовек не сбьется
(Глупой мечтой не мечтай, мечтатель).
*В общем, на палубе ныне скользко,
Ветрено, серо, оркестр ушелши.
То же вокруг, но разнятся взгляды,
Как ни меняй на себе наряды...*

БОГ СМОТРИТ В ОКНО

Бог, развлекаясь, глядит в окно – как то
Принято у людей, котов, прочих
Созданий – ибо богу не нужны дыры
В каменной кладке, чтобы смотреть на мир.

Он, запахивая пальто, повергает в ночь
Пастбища для скотов, леса, библиотеки,
Женщин в узких нарядах, океаны, реки.

Я-то зачем тебе нужен, Бог? – Но он
Смеется, касаясь плеча: мол, это твоя
Свеча все еще бьется о
Ветер – думаешь, просто так? Дурак.

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

Москва, Москва, широкий город.
Оравы фонарей, крестов,
Коморок спальных, жил мостов,
Кремлевских башен злые створы,

Скамьи да комья воронья.
Над ней рассвет, что провод, рвется,
Луна огрызком, тьма колодца
Бездонного, отколь струя

Под видом телебашни снулой
Застыла серою иглой.
Молитва скомкана игрой
Гармони. Четвереньки стула

Нам здесь удобней муравы.
Здесь бронза, уравнив поэтов
И маршалов в цене билета,
Есть материал для головы.

И в трубы загнанной Неглинки
Блестит чешуями волна
Под толщей глины, где она
Несет ушедших дев косынки.

Здесь правит нами ближний бог
Из Горок – с посвистом вожжи
Над всей страной... Москва, кружи!
Пусть твой подкованный сапог

Вальсирует под рев пластинки
Из патефона старика
С Кривоколенного – строка
Бернеса из окна «гостинки».

ПРИВЕТ, ДРУГ

Привет, друг. Привет, будто расстались с тобой вчера.
Вот, стоим посреди двора и не знаем, о чем сказать.
Время – рать и числом есть тьма. Ты какой-то понурый,
Блеклый. Фонари, так и есть, белят волос. И кутерьма
Дней, что трехглавый дракон – топчет нас...

Жизнь полна, девы веселы, дети рады, закат велик.
Да и ты еще не старик – только чуть нанесло морщин.
Ну и пусть: ведь лицо мужчин только это и красит.
Все тот же гам, суета... Говорим, не открывши рта,
Не нуждаясь в пустых словах. Прах...

РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРА

Стол непокрытый. Вода на досках
Пола. Окно, с непривычки щурясь,
Пытается отвернуться. Дом брошен.
И новый его жилец, что отравы –
Тревожит нутро. А справа,
Там где тень держится за углы
Серой кладки, уж вьет пустота
Гнездо будущего мирка,
Мера чему – строка
В золотых устах. Прах
Вьется на сквозняке –
Я держу в руке
Лампу. Кхе...

ПАСТБИЩЕ

Мирозданию предшествовал сыр. Это общеизвестно.
Но немышь, коль любовь ее к сыру корыстна.
Я вообще тогда не был. Таймыр
Был лишь юртой,
Небо – ладонью,
Реки – венами,
Явь – глазом.

Чудеса были явью. А повседневность –
Сказом слепого певца. Ибо с крыльца
Видно дальше, чем из колодца.
Дщери покидают юрту
Подобно ветру,
Растя семя.

Время – придумка оленей, ищущих пастбищ.
Солнце – вымысел детворы,
А смерть – старцев.
Греюсь у очага. Жена крошит в котел.
Миновала зима.
И ладно.

ПРОЩАЙ И ТЫ (СЛУШАЯ ГАЙДНА)

Прощай и ты. Любому в этом мире
Когда-нибудь послышатся слова.
За ними зрится новая глава,
Но для кого – невидимо в эфире.

Рисуем мы ступени иль дорогу,
Могилы тлен или небесный пух...
Когда судьба вдруг связывает двух,
То, даже если прочно – ненамного.

Что молвить о цене, когда в руке
С продажи той не подержать монеты.
Когда и эхо прекратит ответы,
И свет погаснет вдруг на маяке.

Ты верь, что продолжение грядет,
Что ты еще вдохнешь цветущей липы,
Что облака распластанные кипы
Расступятся и день произойдет.

РОДИНА

Сухой язык в моей голове
Бьется о кость. И началом ночи
Тени ложатся, стелясь в траве.
Главное сказано – я ж о прочем
Должен сказать.

Как гласят волхвы,
Всякий пророк быть обязан точен,
В свой непременно воздеши час:
Чтоб не прервалось его за нас
Слово молитвы. Когда ж отсрочен
Чей-то из светлых сего приход
Мира – на нас наползает лед,
Сила уходит водой в песок...
Опричь маячит в виду лесок:
Это Россия. За лесом – горы.
Там, как отмечено в картах, поры
Кожи земной наполняет золото.
Суммой своих сыновей богата,
Но не отдельным своим жильцом.
Место, где проще прожить отцом,
Нежели матерью. Место гари,
Место победы, осенней хмари,
Песни малиновки, белой ночи.

Неба покров за собой волоча,
Солнце, что капля, сползает долу.
Дань отдавая во тьме глаголу,
Окрик солдата у врат с звездой.
Даже фельдмаршал, лишенный строю,
Лишь человек – но не страж в наряде,
Что и один суть война и войско.
Через калитку на тени глядя,
Слышу «забич» на ядреном польском.
Уж не меня ли?.. Свечи огарок
Плавится в ноль. Кутерьма товарок –
Звезд, что вползают во тьме на купол, –
Видима нами: глазами кукол
Можно увидеть куда как много.
Знать бы к чему нас ведет дорога...

ЭКСПРОМТ ВЫХОДНОГО ДНЯ

В листве – воскресные кресты,
Мосты, каналы, стенка-пристань,
Бугристый неба клочок, жара.

Тела, лишённые тавра
Извечной сутолоки – чисты
В сиянье сонного луча.

Подковой у ворот стуча,
Гнедая ждет. И я, строча,
Смотрю на улицу: с плеча,

Шепча, спадает шелк у девы,
Идущей в летнем сквозняке –
Букет и сумочка в руке.

Я ЧТО-ТО, ВЕРНО СКАЗАНО, НЕ ВИДЕЛ

Я что-то, верно сказано, не видел
В раскрытых жабрах неба, в полосах
Тумана над вершинами – Овидий
Провинциальный, сильно измелчав,
Тащу сквозь строки застарелый кашель.
Рассвет в окне стекает по стеклу,
Что серая бугорчатая каша.
И взгляд ложится замертво в углу.

Во всклоченных вихрах застыло солнце.
На перемены ветер ставит шаг.
Флаг реет в синеве. В пустом оконце
Горит спираль. Как некий саркофаг –
Провал от Вифлеема до звезды.
И ангел мчит вдоль линии воды...

ТАНЦОР

Гостиняя выплевывала свет
В холодную прихожую, в которой
Трехногий возвышался табурет.
И коридор замусоренной порой
Вел к лестнице. Стопой прожитых лет
Газеты, переваренные в сланец,
Лежали на полу. И иностранец,
Пришпиленный фотографом к столу,
С последней улыбался. С видом пьяниц
Мотались тени вдоль опрелых стен.
И пола растекался мятый глянец.
Все воплощало видом вечный плен.
А он смеялся, продолжая танец.

ПРОГУЛКА

Гуляю, исчезая, как предмет,
Оставленный без света, исчезает.
На холоде за мною – пар и след.
И в дымке, чуть покачиваясь, тает
Луны покрытый пятнами плафон.
Проспекта мельтешит Армагеддон.
Все, знаем, что в сути не взлетает –
То падает (иль, на худой, лежит).
И то, что ныне в теле дребезжит,
Подпрыгивает – лишено полета.
Тепла источник – близ идущий кто-то.
И снег газетной вырезкой кружит.

КОЛЬЦА СУДЬБЫ

Судьба – зигзаг, известно и овце.
Над пропастью держась за куст, однако
Ты вспомнишь вдруг о Сыне и Отце,
И Голубе... Ждешь подлинного знака
Всю жизнь – и, наверное, в конце,
Он промелькнет как борзая собака.
За годы что накоплено в яйце –
Вдруг выплеснется... Но итогом брака
Десятилетий с телом – на лице
Усмешка. И бессмысленная драка
Закончится строкою на чтеце.

СЮИТА МУЖСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Пчела не знает, как умрет, но знает
Зачем жива. И ты зачем-то жив.
Но – в сторону докучливый вопрос!
Товарищ мой, ты, как и все мы, рос,
Мужал и... В общем, спел мотив.
Свою дуду без камертона строив,
Уж тем богат, что обладал в покоях
Гостиничных ты дюжиной... Игрив,
Короче, твой закат пришелся –
Хоть сей тропой не первый ты прошелся,
Но, обнадеживает, не последний. Ив
Склонились лентолистные хребты.
Под ними на скамейке сидя, ты,
Как континенты сходятся, сошелся
С бездонной осознаньем пустоты –
Так короля лишь Времени на «ты»
(Или любовнице – не ищем параллель!)
Дозволено. Уж кровь пустил апрель
Сугробам, и утрами мелкота
Свистит как сумасшедшая с куста.
И вот я снова твой облезлый профиль
На фоне неба... Небо как картофель –
Бугристо и испачкано землей.
Как, помнишь, Арарата старый Ной
Нащупывал сквозь муть босой стопой
Спасительную твердь. Так ты теперь
С сомнением смотришь на любую дверь.

Я ВИДЕЛ (В ПОЛНОЧЬ ЗА СТОЛОМ)

Я видел сельдь, кипящую в волне;
Рассвет над морем; и закат в Нью-Йорке;
Тайгу, погибшую в нечаянном огне;
Тома на деревянной пыльной полке;
И глянцевою кожу при свечах.
И Лобачевский, едущий в двуколке
Вдоль перекрестья параллельных, чех
Над формулой в подобие наколки.
Свет лился над равнинами во льдах.
Свет... в перекрестье рамы в октябре,
На розовом когда летя коне,
Терялся я в заоблачных стадах;
В фамилиях и отчествах, в родах;
В пушнине одеял до самых плеч,
Где мне с тобой случалось прилечь.
Повсюду я был гостем невпопад.
Вино все выпито, продан вишневый сад,
Преломлены хлеба, отпущен раб.
Над головой мотает кроной граб.
И шелестят листья окрест стола,
За коим человек (но тень – осла...)

ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ ПРОГУЛКА

Кутерьма лугов. И заблудшим паром
В небе виснет облако. Над пригорком
Чем-то средним между землей и салом –
Солнце пахнет желтым, сказать – прогорклым.

Я иду, казалось бы – но неслышно
Подо мной дорога течет обратно...
Ведь, подумать если, не все, что вышло,
До черты доходит. Над лесом кратко

Тридцати шести прокричав, кукушка
Вдруг с ветвей сорвалась. И это значит,
Что длина пути – до чего ж послушна! –
Мне до новой точки теперь маячит.

Ветер тащит листья с ветвей под ноги.
И пока ты смотришь, в ладони прячет
Голоса всех тех – неизвестных, многих, –
Что когда-то так же брели в горячих.

ЧЕРНЫЙ СОН

Какая ж досада! Все та же местность...
Безвестность. Безвестность, мой друг.
Безвестность...

Тебе остается – тупеть от скуки;
Листать кем-то брошенный на столе
Дневник, где строку направляли руки,
Но не голова; умереть в огне

Внезапной грозы, и воскреснуть – чтобы
Дожди и минуты мешать в вине;
Стать консулом леса, реки, сугроба...
Короче, хоть как-то уйти вовне!

...И выдох с нечистого ложа – кое
Служит вратами грядущей тьмы –
В полночь, когда по углам такое
Видится, потом питая сны...

Ночь... Но не та, на бегу в которой
Двое гортанью рвут теплый мрак.
Ночь, где ты чувствуешь каждой порой,
Как по тебе приспускают флаг.

ПРЕДМЕТНОСТЬ

Меня обступают предметы. Слева –
Пустая кровать, и пространство вкось,
Где тени (что в сути фрагменты тела)
На тангенс угла умножают рост.

Застыв в темном тамбура стойле, вело
Рулем как рукой собирает в горсть
Тьму воздуха – коему снится белой
Метели разбитая в щепу трость.

Невольником милым в ажурных петлях
Дымка папиросного – серый том
Кого-то из древних, чей лик газетный
По гипсу в учительской нам знаком.

И глаз фонаря за помятой шторой.
И чьи-то шаги – как икота. Пол
Со вздутой доской, у черты которой
К румынской границе шагает стол.

Сукном неподвижная тьма кварталов
Свисает – от неба до неба луж.
И если бы даже звезда упала,
Искристой дугой пролетая вкруж

Наваленной поверху зданий кровли, –
Ее был бы след не теплее крови.

Я РАД ВНЕЗАПНОЙ ВСТРЕЧЕ

Я рад внезапной встрече – предсказанной
Под цветом яблонь, в пиршестве садов...
Я – что? Над пропастью прудов
Лечу по ветру силуэтом странным,
В котором угадает кто – барана,
А кто – того, что не чертит следов.

Почти настало лето – это точно
Подмечено окном и кожей плеч.
Уже мечтаешь на траве прилечь,
А не под парусиной потолочной.
И дождь читаешь как роман – построчно.
И в шелесте листвы – святого речь.

НА ВЕТРУ

...Ибо мысль на ветру, как ладонь, пустеет –
Досаждая сердцу, вредя желудку.
Ветер дует в проспект, как диавол в дудку.
Сам ты – с виду подобный щепке,
Над асфальта рекой подымаешь кепку.
И пока ты тащишь свое живое
(То, без чего опустев, жилое –
То бишь стены, с ними иное иже,
Все, что ниже тебя и выше –
Замирает, что вздернутый карп на нити),
Бог дождем дырявит в небесном сите.
Ты срываешь клятвы как плат с веревок,
Что уже просох, и снимаешь с полок
Чье-то фото, книгу, бутылку початый
И берешься снова строкой печатать
По листу, покамест не загустеет...

Время оно, когда даже парк пустеет –
Со своей каруселью, пломбиром, лодкой
И строка норовит быть такой короткой,
Чтоб ее мог запомнить ученый ворон, –
Ты глядишь в любую из многих сторон
И находишь то же: предметов гряда
Намекает на щедрость творенья чуда.
Если зеркало есть – то и ты оттуда
Смотришь неким предметом. Его покуда
Не снесло во тьму: ты сидишь и пишешь.
А вокруг засыпает все. Тише... тише...

ТЕАТРАЛЬНОЙ ГАРДЕРОБЩИЦЕ

«Ты брошена» – сказали бы, будь вещь –
Пустынное пространство гардеробной.
Таганская... и Бронная... Свободной
В иные вечера нам не найти
Здесь вешалки. И спутаны пути
Случайного товарищества шерсти
Пальто, беретов, шалей... Ее перстни
С поддельными рубинами горят
В неверном свете – визуальный яд –
Той безымянной женщины в преклонных,
Что нас встречала наперед поклонов
Сценических укрытых гримом див.
Сколь радостно услышать тот мотив –
Вот так, случайно, походя, без плана!
И параплет крылом аэроплана
Мелькнет над чахлой зеленью зловещ...

ЛЕТНЕЕ КАФЕ

Пунцовое на дне бокала. Воздух.
Она сидит анфас. Берет печенье. Розы
В прозрачной вазе. Черный шелк с ноги
Спадает как смола. И лавр в вид слуги.

Лицо тосканца, бритое до сини, до скул.
Меж пальцами – сигара. Белый стул.
Крупницы пепла пачкают рукав.
Зовет гарсона, за столом привстав.

Стена. Бегонии. Окрашенная рама.
Полоска облаков. На куче хлама
Возня крылатых. Пыль над мостовой.
Меж крышами пролито синевой.

Рука с карандашом. Глаза. Бумага.
И генерал – без армии и флага.

МОЛЛЮСКИ НЕБЕСНЫЕ

Я – рыба.
Отсутствие чешуи, глыбы
Льда над спинным плавником?..
Знаком же с водой, тишиной –
Как ты был
Знаком с тьмой ущелий,
И с той знаком,
Что часто писала тебе,
Как помню...
Я тру глазом лед,
Как бы некий окунь.
И что из того, что из узких окон
Смотреть помогает не свет – вино?

Оно было соком,
Тьмой корня, когда-то –
Водой. Оно
Питает моллюсков небесных,
В створах
Которых разломанных
Ждет звезда.
И это случится довольно скоро –
Я в блеске лучей поплыву туда.

ДВА ЧЕТВЕРОСТИШИЯ О ПАРКЕ

Люблю твоих скамей наситенность,
Мой старый парк. Аллеи и листья.
Влюбленных пар в закате обездвиженность.
Ажурные короткие мосты.

Чудовище застывшей карусели.
Крик птицы над деревьями. Зимой –
Примятые, как простынь на постели,
Снега и фонарей унылый строй.

ТРОПА НАШЕЙ ЖИЗНИ

Ища след бессмертия, что мы знаем
О том, что есть смерти суть? Что мы сами...
Что с каждым случается... То есть с нами.
Что больше по ту, где кресты углами,
Имен, чем теперь в телефонной книге.
Что лишь одного – есть не мира гибель.
И в то же... Что глаз не обманет камень –
Но и не обрадует. Голос канет
Певца, и кружение балерины.
И что в темноте ты, ложась в перины,

Еще раз себя напоследок спросишь:
Настанет ли утро? И тихо просишь,
Чтоб минула чаша – темна как омут.
Что все мы, как сказано, некий повод
Любви, хоть почувствовать это сложно
(Но хочется думать – и это тоже).
Что есть у собаки душа, конечно,
Раз есть у хозяина. Долговечно
Лишь небо – поскольку всегда иное.
Что, меряя жизни лоскут длиною,
Нет-нет да оценишь его узоры.
Красавиц, конечно, тускнеют взоры...
Но зеркало – то еще нам мерило:
Иная из них так крылом накрыла,
Что боги с ним, с зеркалом! Эту песню
Пропеть невозможно, собравшись вместе.
Но я, как и ты – мы идем об руку –
Когда сквозь огонь, а когда и скуку.
И если ответ тот записан где-то,
То нам и читать, раз не сдать билета.

ЖИЗНЬ МОЖНО НАЧАТЬ СНАЧАЛА

...Так дождь, холодя лицо
И тело – лишь означает:
Жизнь можно начать сначала;
Что вещь являясь, Бог
Тем более виден в малом,
Чем в стрелах собора; слог
Прост, но увесист; руки
Сжимают пустое; клок
Неба, пестрея птицей,
Как шея с кулоном, бел;
И если остановиться...
И если взглянуть в прицел

С другой стороны... Струится
Вдоль времени кровь и стен.
На плечи рукой ложится
Тепло. Этот вечный плен
Любви, беготни, кварталов –
Его я дарю тебе.
Так много дано иль мало
В твоей и моей судьбе –
Не знаю... До горизонта,
Лишь кажется – протяни
Ладони. Бреду без зонта,
Как капли глотая дни.

ДЫХАНЬЕ ТВОЕ НА МОИХ РУКАХ

Дыханье твое на моих руках.
Гелиос ворочается в облаках.
Ливень роняет пустое семя.
Мысли о древе, о змее, времени.

Не узнает ни одной черты
Бог в наших лицах – от темноты,
От непохожести. Лик отца –
От коего дале, чем от ловца

Окунь: ибо он – многокрыл, велик...
Мир, что итогом его возник,
Есть лишь мгновенье мое с тобой –
Там, где полет заменен ходьбой.

Где легкий пар, горизонт укрыв,
Лишь дополняет собой мотив
Слов за стеной, неизбежных фраз.
Там не звездой слезится глаз –

Но нахватав на ветру песка.
Мысли и чувства – из них тоска
Частый и самый уютный гость.
Где только холодом ломит кость,

Но не прыжком. И златая масть
Спелой листвы не дает упасть
Ниже своих же во тьме следов.
Край коротающих вечер вдов.

Край пережеванной в прах судьбы –
Феникса света, любви, мольбы.
Там, за собой выключая свет,
В пятнах сетчатки прочтешь ответ.

ЗОДЧИЙ

Ты, может быть, безвестный-знаменитый,
Что мрамор сек над портиком в Афинах,
Фигуру высекая и ланиты
Божеств и проплывающих дельфинов, –

Сам размышлял о пчелах, о запасе
Сыров на свадьбу дочери, о женщин
Устройстве вообще... И ты, украсив
Сей форум, с неизбежностью трещин

На мраморе – сам канул в Лету прежде,
Чем внук твой, меж его колонн пройдя,
В твоей так и не сношенной одежде,
Улыбкой встретил занавес дождя.

Есть свету место, есть святой надежде.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ

Так хрустит голова на зубах титана
Молодого героя, и льнет сутана

На ходу к лодыжкам в дождливый вечер –
То бишь звук того, что тебя увечит.

Ведь беззвучны лишь мысли, мороки, взгляды.
Остальное – тела, что ложатся рядом,

В том числе (тем более будь красивы) –
Умерщвляют временем или силой.

Представляю, что можешь ты мне ответить:
«Даже если так – то родятся дети.

С ними новое время и новый пастыррь...»
Не любую рану заклеит пластырь!

Вот теперь июль и бушует лето.
И листва еще, не в пример билета,

Зелена и держится крепко веток.
Звезды в виде мерцают пшеничных сметок.

Теплый воздух сам расставляет ребра.
Даже если сломано – то из добрых

Побуждений – верить так хочешь в это!
Но не всякий дождетя вопрос ответа.

Я пишу тебе Издали – там, где в парках
Духовые оркестры, гуляют пары...

Ты, конечно, мертв по обычным меркам:
То бишь чужд всем звукам, пальто примеркам,

Ты не значишься в списке, не виден в окнах...
Но, возможно, то, из чего был соткан –

Что-то вроде полотнища столь большого,
Что не виден край, – с расстоянья снова

Можно будет увидеть и крикнуть: здравствуй!
Подведя итог суеты напрасной.

ВИДЕНИЕ АРХАНГЕЛА НА РУИНАХ

Как способ убедиться в подоснове
Чудесной повседневного бытья
Или происхожденья из рванья
Вселенной – разбавляю в крови
Звук прогибающейся кровли.

Сей Парфенон щербат, морщинист,
Украшен странником, белил
Лишен, коль скоро лил
Здесь годы дождь, крошился иней.
И горизонт за строем пиний

Скрывает, что ряды могил
Титанов – битые кувшины
Туч – суть явленье без вершины
Дна. И чья-то тень: то Гавриил
Сошел с мечом, да так застыл,

Вспоминая: был здесь раньше,
Или привиделось – не был...
Развалины – что резвость крыл:
Неразличимее, чем дальше.
И в стае галок (ибо фальши

Любой подвластен коллектив)
Кружит, мечта не вынимая...
Долина, воздуху внимая,
Не помещаясь в объектив,
Листвой зудит простой мотив.

Ступень, лишённая стопы, –
Пример в судьбе утраты камня.
И был ли там иль не был сам я
(Все тропы часть одной тропы) –
Не важно средь минут крупы...

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ ПАРИЖАНИНА

Ты для меня лишь призрак, сын Парижа,
Скончавшийся с полвека – буду думать,
Что где-то в тихом доме на Марэ,
Где стук часов отсчитывает сумму,
Где солнечные пятна на ковре,
Сливаясь с заголовком «Франс Суар»,
С избытком освещают будуар.

Та женщина (ее минует фото),
Когда была еще студенткой (ведь была?
Я думаю, что ты женат), однажды,
С тобой столкнувшись, взгляд не отвела;
И этот день ты вспоминал на влажной
Постели столько раз – была твоя.
Ведь мы лишь те, кого несет ладья,

Чей парус наполняется дыханьем...
И тот, когда рыбачил ты с моста,
И друг твой, проплывая в лодке,
Со дна ее бутылъ вина достав,
Тебя зазвал потом идти к кокоткам...
Там врач в стальных очках писал рецепт –
Ты для себя суммировал концепт,

На счет хмельных походов. Многострочье
Таблиц на службе. Близость воронья
К скамьям в саду. Беспечные гулянья.
Военных лет череда – парад рваньня.
Посылки, письма, встречи, расставанья...
Ты жил. И эти карточки – отчет
О том, что время как тогда течет.

АБСУРД

*Случайное, являясь неизбежным,
приносит пользу всякому труду.
И. Бродский*

Неудачны скупыя мои сантименты.
Беспричинна усталый вечерняя гнев.
Наша бытность – сплошныя унылый фрагменты,
И вертится в природе как мусорный черв.

Возвращайся жа, солнце, во каждыя глаза!
Возвейся над полем багряный рассвет!
Сколь бессмысленны эти огульные фразы,
Столь горяч мой тобою читаем привет.

ПО СЛЕДАМ НАУТИЛУСА

Давление времени, глубины –
Оставляют след в перламутре стен
И спиралях раковины. С волны

Виден горизонт, а под нею – тьма.
Тьма – пуста, горизонт – бесцелен.
Подо мною берег губой расстелен,
И луны улыбка ведет с ума.

Ты, мой друг, что ушел за сны,
За пески придонные, сгинув в тлен:
Если б не такой же как я – с вины

Я б свихнулся. Да предо мной
Тот же самый путь и отметин цепь.
И в волне слезится созвездий степь –
Коль пристало небу святить водой.

Я бреду вдоль пены с твоей дудой.

ОСЕННЯЯ ПРОКЛАМАЦИЯ

Осень, осень... Избитая фраза.
Начинается день с темноты –
Что-то вроде забытого лаза
В брюхе вечности и высоты...

Осень, осень... Минуя дороги,
Дождь глотает седой горизонт.
И красавицы стройные ноги
Как два стебля, несущие зонт.

Осень, осень... И берег испанский,
Что багреет осадком вина,
Бесконечно далек. И от станций
Долетает с помехой волна.

Ты все это коль скоро читаешь,
Улучив меж занятий момент, –
Видно, тоже о лете мечтаешь...
Сим кончаю писать документ!

ПО ОБЛАКУ В КАЖДОЙ РУКЕ

По облаку в каждой руке –
Шагаю верблюжьей походкой.
И солнце висит на крюке
Ловца в багровеющей лодке.

Ты смотришь на этот закат.
И тень от плечей отступает
Твоих неподвижных назад.
Лицо с неизбежностью тает

Во тьме, наполняющей дол.
Тропа подметаема ветром.
Колышет цветастый подол.
И прочерки лба чуть заметны.

Не будь в переменах тоски
О брошенном, было б, наверно,
Страшнее коснуться доски...
Покамест стучащая мерно

Тобой кровь стреляет в виски.
И небу душа соразмерна.

РОК ЗЕМНОЙ

Багряно-восковые яблоки на ветках.
Притихли птицы в алюминиевых клетках.
И ты, мой друг, опять идешь жениться,
Хотя давно пора остепениться.

Ну что бы за беда пылать свободой?
И к размышлениям златое время года...
Собрал бы нас, накрыл бы стол... Девица
Там ни к чему нам... Эх! Гуляй, станица!

Но вот мы как один. И стрелки брючин
Отглажены, и текст давно заучен...
И ты взираешь на салат с тоской пророка,
Товарищ мой, не избежавший рока.

ЖИЗНЬ ТВОЯ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕБЕ

Мы живем в песках,
Но все рождены в воде.
Мы, немея пред небом,
Ровняем его себе.

Мы во сне бросаем,
А утром, когда встаем,
То теряем снова,
Мечтая побыть вдвоем.

Мы глотаем мрак,
Оставив для света брешь.
Мы хотим всего,
Но вписаны в свой манеж.

Мы боимся жизни,
Но смерти еще сильнее.
И чем лучше было,
Тем станет потом больней.

Мы читаем книги,
Другим положив писать.
Мы не знаем места
Надежнее, чем кровать.

Наш закат над морем,
Одною строкою где:
«Жизнь твоя
Не принадлежит тебе».

НОЧЬ В БЕРЛИНЕ

А я все вспоминаю ночь в Берлине:
Огни в холодной тьме и Рождества
Черты грядущего в чужой для нас стране.

И то, что с нами происходит ныне,
Я вижу иногда в горячем сне –
Перенесенное туда, где мы бродили

С тобой. Как отражение в волне
Подсвеченного окнами канала –
Я чувствую рукой черты лица.

Так много нам отпущено, так мало...
Раз нет начала нам – так нет конца.

НОВЫЙ ОДИССЕЙ

К тому моя эгоистичная молитва –
Мол, дай мне, Господи, того или иного...
Как поутру расческа или бритва –
Стон сквозняка и брошенное слово...

С него начав и завершая где-то,
Где ведомое уступает вере,
На ощупь, без примет или совета
Бредешь, ища незапертые двери.

А чудо видится уже, и сон не режет
Надвое сутки, и летящее созвездье
Не веселит и не пугает – прежде
Грозило что божественным возмездьем.

Тропа ветвится, но ее уже не ищешь...
И что роса, что снег морозит стопы.
Ни долга, ни привета уж не взыщешь –
Ни с царства, ни с быка, ни с Пенелопы.

ГОРОДСКОЕ БЕЗУМИЕ

Меня пугают углы, прямые...
Что не округло, что ломко; злые
Улыбки осколков; игла под кожей;
Когда треугольник крыла не сложен;
Когда горизонт рассечен о крыши.
Также пугает меня, что выше
Конька над оставленным детству домом.
Не верю чужим, особе – знакомым.
Грудь, что вздымается слишком часто,
Есть признак угрозы. Рисунок пасты

На щетке предвидит мой день грядущий.
Я более медлящий, чем идущий.
Мне женщины кажутся тем красивей,
Чем тише их голос. Живя в России,
Во сне вижу тот незнакомый берег,
Что далее Бреста и двух Америк.
Когда наступаю на тень от стула,
То чувствую, как за плечами скула
Неведомой твари ползет оскалом.
Мне многое видится в самом малом.
И верю, шар солнца куда слабее
Ног в гору ползущего скарабея.

ОКЕАН

Океан – вся вода на свете
Минус несколько капель,
А также ветер и холодное дно.

Бумаги – виден каждому край,
Но не видно края вод его –
Как врата не видны нам Рая.

Может быть от того, играя,
Мы стремимся за горизонт,
Где, как водится, есть все то же,

Что и здесь. И лишь в том резон,
Чтобы плыть или ехать, в общем –
Двинуть – не куда-то, скорее – от,

Расставляя локтями спины
Впереди нас толпы идущих,
Продираясь сквозь эту гущу.

НАШЕ ИМЯ

Это как яд. Но скорей – лекарство.
Ибо поставлен король на царство,
Облако – небу, тоска – поэту,
Лист, навощенный смолою, – лету.

Что бы ни стало меж нами, ветер
Гонит волну. Мы с тобою – дети
Тех, что цвели и остыли в осень.
Дай да помилуй – того и просим,

Как наши предки до нас просили.
Сила ли в слабости, слабость в силе...
Что же ты, друг мой, печален ныне?
Голос не в силах покрыть пустыни,

Паче – ладонь не покроеет неба.
Вот мы бредем меж домами, где бы
Стали дубравы, межи меж ними...
Имя, для Бога – мы просто имя.

Общее имя – одно вовеки,
Кругом идущие человеки.

О ЖИЗНИ И ЕЕ ТАЙНАХ

Жизнь более чем текст. Чем слово.
Чем пыль дороги. Чем тоска
О нереальном. Чем доска
С печальным Ликом. Чем улика
Любовной связи. Чем рука,
Сжимающая палку. Чем
Белая фата невесты.
Жизнь – это сложенное вместе.

Жизнь – полуночь нагота.
Жизнь – перепутье. И мечта.
Молитва. Ожиданье встречи.
Я, как и ты, мой друг, не вечен.
Моя, как и твоя – пуста
Ладонь, и глаз во тьме туманен.
Но я, как ты, с рожденья ранен
Рассветом, словом «красота».
Я, как и ты, иду сквозь годы,
Сквозь воздух, чьи-то плечи, речь.
И если б мог я пренебречь
Своим рождением, местом в лодке,
Метнув колоду и колодки
За борт... Пустого не сбережь,
Но и не потерять, тем паче.
Так и идем – смеясь да плача!

ГДЕ-ТО В НЬЮ-ЙОРКЕ

Гостиница в какой-то из расщелин
Нью-Йорка, между серых эстакад.
Химическая чистота постели.
Жару питающий собою водопад
Дождя. Грохочущий бульдозер
За двориком, включающим в себя
Железный лом, асфальт, стекло и то,
Что замещает в этом месте воздух.
Смеркается, и проступает в позах
Огней далеких башен решето –
Как брошенное у столба пальто
Расстрелянного. Вид на пристань розов
Изнанкой ветра, задранною о
Шершавый камень. И метаморфоза
Летящей чайки в мелкое зерно.

НАСТАВЛЕНИЯ ЗОЛОТОМУ КАЛЬМАРУ

Раздвоение психики – не путать с шизофренией! –
Было, о Золотой Кальмар, изобретено в Африке...
Или Японии... Что, в общем, не важно. Россией
Тогда называли то ли Крым... то ли Мадагаскар...
Вижу, что ты, зевая, проглотил устрицу? Это не вежливо.
Я был тогда Лунным Зайцем... Лучше, однако, смешивать
Яичный белок с какао – в пропорции три к одному.
Поскольку садовник Ван – да, точно, в Японии! –
Всегда удобрял бонсай этой смесью, ему казалось,
Что вся земля – яйцо белоперой утки... Антонио,
По отцу Бандерас, тогда еще не родился. Эрос – да,
И притом прилично был он уже в годах
И часто спал на работе... Как следствие, испарился
Привычный античным парам полет фантазии
В изобретении поз. С тех пор все идет по-старому.
Но, долг отдавая малому, скажу, что и я когда-то
Был на коне... С конем... Что-то не так... Не важно!
Слушай же: тот отважный, что сам повторится дважды,
Станет Царем Улиткой. Ты на верном пути, о Кальмар!

ШЕЛЕСТ КРЫЛЬЕВ

Эхо гулко. Падре снимает рясу.
Ночь. Над куполом воет ветер.
Серый камень подобен мясу.
И лампада бессильно светит
 В нише с гробом епископа.
 Воскресенье. Как приписка
К святому тексту – чашка
В пальцах с горячим чаем.
Под расстегнутую рубашку
Тянет холодом, сокращая

Все под нею – слова и мышцу.
И во тьме невидимых еле слышен
Шелест крыльев. Слеза свечи
Освещает лицо с морщиной.
– Кто бы ни был ты – не молчи!..
На кресте молодой мужчина,
 Что прощает с тобою нас,
 Все никак не опустит глаз.

ПОЭТ ТЩЕДУШНЫЙ, ПЛЕННИК СТРАСТИ

Поэт щедущный, пленник страсти!
Вознесши длани, ты стоишь
Средь пыли и тоски; хранишь,
Скребя о стены, словно мышшь,
Как драгоценности – ненастья,

Отказы женщин, прочи дрязги
Своей издерганной души...
Ты тощ, угрюм, зубовны лязги,
Пустые мысли, что завязли,
Твои унылы – свет туши...

Тащи же тело ты на воздух!
Питайся лучше. Бегай вдаль.
И вот уже красавиц позы
В твою решают дело пользу...
Пристало ехать? Так езжай!

Пристало плыть? Себе плыви!
Друзей зови к столу обильну.
Не откажи и в визави
(Раз место есть земной любви).
Жизнь украшай свою стерильну.

В ПАСПОРТЕ У ПЛАНЕТ

Ты знаешь, мой друг, – пустота, икая,
Рождает планеты... Миры до края
Наполнены дрожью волны... А сны –
Уходят корнями в утробы тьму...
Что если дракона поджечь слюну,
То плавится даже седая сталь...
Что яви и небыли равно жаль
Беспечному сердцу... Величина
Зависит от скорости... От окна
Сквозит в полнолунье куда сильней,
Чем в прочие ночи... Волна синей,
Когда в ней купаются девы... Кот
Без кошки десятую жизнь живет –
Но все же весна заберет свое...
Надежнее старое, чем новье...
Что овощ поет на Иванов день,
Когда бы его веселить дудой...
Покрыто две трети Земли водой...
Мост – те же объятия на века,
От коих струится нежней река...
Что значит в паспорте у планет
В разделе «гражданство» сухое «нет»...
Услышать сову на рассвете – знак
Того, что тебя полюбила ночь...
А выйдя как следует, друг мой, прочь,
Приходишь обратно – и тем верней,
Чем меньше жалеешь прошедших дней.

ФЕВРАЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Небо, рождая снег,
Ближе к земле. Густея,
Снег выдыхает воздух.
Ладонь, пустея,
Силится сжать обрывок
Мысли, которым дале
Можно укрыться. Числа
Перебегают между
Клетками. И надежда
Складками давит плечи –
Как не в размер одежда.

НОЧЬ В ЛОДЗИ

Ночь.
Гетто сковано тишиной.
Все, что не спит – вжалось
В тьму. Бегло гладит ветер
В выщерблинах луну. Дети
Прячут хлеб во сне. Ателье
Обозначено глазу голой
Куклой в витрине. Холод.
Мерцающий белым иней
Мегит кости труб. С пола
Слышится выдох.
Труп.

ЕСЛИ ПЕРЕТИРАЕТСЯ НИТЬ

Если перетирается нить,
Если ход перекрыт с четырех сторон,
Если вопрос о «быть»
Как-то сам по себе решен –
Это то, по сути, что мы и есть,
До тех пор, пока – здесь.

ОДИНОКАЯ КОНЧИНА СУДОВОГО ВРАЧА НА ОСТРОВЕ

Мы, выходя еще из Дублина, я помню,
Уже тогда встречали черный знак...
Но кто врача услышит? Порван флаг
В бинты, и адмиральский китель –
Не более чем украшение мяса
Для краба. Море – не учитель,
Скорее, ростовщик со счетом
В непрожитых годах. Для глаза
Равны – надгробие волны, и
Камень. Но не для тела. В этом глаз
Удачливее тела. Не для вас
Теперь уже, те, что лежат в песке,
Я это говорю. В моей руке
Не кукла циферблата, но время,
Стекающее между невозвратно
Камней. И на невидимом крюке
Горящий диск оскалился кроваво.
Я – это то, что всех вас миновало,
Тех, кто читает на моем листе.

НАС ВСЕХ НЕСЕТ НА КАМНИ

Весна пришла. И виды совершенств
Природных выплывают из-под снега.
И даже черепаха – из существ
Никак не приспособленных для бега –
Мне явственно сказала визави:
«Attention! Yoh! Нас всех несет на камни!»
Имхо: всеобщее стремление к любви
Живущих под луной – в природе сáмой.

ЛЕГЕНДА О СИЗИФЕ

Камень точит камень, и хруст плеча
С этой точки – есть часть процесса.
Небо каплет жаром – как та свеча,
Что сломилась своим же весом,

Оскопив цвета, но оставив вид –
Чем-то средним меж днем и ночью.
И нескóбленной шкурой навис зенит
В тени Фебы – как в междустрочье

Пятна чьей-то крови. Моя рука
Наползает – живым о камень –
Не пуста, но, кажется мне, легка.
Где-то хлопает громко ставень –

Много ниже горы, где за мелкий грех
Люди просто живут по новой.
И я вижу, неся этот камень вверх,
Как тропую давно знакомой

Одиссей возвращается раньше всех –
В этот раз, как и дал он слово.

ЛЕГЕНДА О СИЗИФЕ (НУАР)

Камень точит камень.
Полудень. Полуночь.
Чертит серое солнце Аид
Шкуру мятого неба.
Черти сводят с ума.
И застывший вид
Оживляется тенью Фебы.

Ладонь как сухой слизняк
Вползает на камень. Шаг,
Умножение коих –
В сущности ремесла,
Ворошит безволосый мрак
Жилою мертвеца,
Бьющейся о пустое.

Падая, взгляд с лица
Скатывается вниз
Валуном, открывая мне
То, что лежит на дне.

СПОКОЙСТВИЕ

Дошли твои письма. Срослись переломы.
День нов. Ночь темна. Грудь легка. Чист
Взгляд. Песок под ногами цвета соломы.
Небо бескрайне. Ты сам – белый лист.

О ЯВЛЕНИИ ТЕЛА, ВРЕМЕНИ И РАССТОЯНИЯ

I

Я смотрю из окна...
Этот хмурый вид, ставший,
Вследствие постоянства,
Частью тела...

Ведь что есть тело?
То, что чувствуется, болит...
Если так, то кусок пространства,
Я в который сейчас залит,
Как желток яйца, сочиняя стансы,
Есть оно. И когда искрит
Небо в редкий момент звездой,
Я, как факт, нахожусь с тобою.

II

«Вечер минул». Такая фраза
Бережет от действий,
Но словно мина
Напрягает память.

Как будто сказан –
Значит выброшен или скинут,
Суть – оставлен.
Лишенный глаза,
Вечер смотрит твоими в спину.
Я у дверцы, в четыре раза
Меньшей плеч, как Алиса в сказке –
Но без шанса последней двинуть.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

Свой обнаружив истукан на вид перста,
Ты б, чай, не удивился, глядя поверх
С холодного чугунного моста:
Привычка к мертвым, в полный и по пояс,
Фигурам и взирающим с холста
Отжившим предкам в каждом коридоре
Есть важный навык. Истина проста:
Ты, проиграв в каком-то мелком споре,
Стал телом для вложения перста
Хирурга, а твое земное горе –
В итоге часть поэзии.
Вот доля.

ВИДЕНИЕ НАРОДНОГО БУНТА

Я видел топоры и смерть. Открыв глаза,
Я видел – шкаф и штюрину, отдернутую за
Него. Но чувствовал сквозь влажную постель

Ход остря и взломанную кость.
В раздетом небе, как в реке лосось,
Тянулось облако, лишенное углов, –
Ночного ветра незначительный улов.

Меня лომилась призраки окрест.
Рука белела на тряпье – как павший крест
Среди затихших дюн лежать бы мог,

Благословляя глину воронья,
Налипшую на выцветшую дня
Изнанку, что одна к одной лежа,
Есть книга времени, а также суть – межа.

БЕССОННИЦА

Луна блестит, как в вынесенной раме
Блестит по краю битое стекло.
Я вязну в этой дикой панораме,
Всем телом налегая на окно.

Уехать хочется. Но это не сближенье,
А только лишь замена на огни
Чужие твоего изображенья.
Казалось бы, что – крылья подогни,

И вырвись! То ли воздуху, то ль яду
Мне нужно... Или просто стать другим.
Но я как обитатель зоосада
Живу, считая этот дом своим.

БЫТЬ НЕРОЖДЕННЫМ

Быть нерожденным – великое благо,
Говорят. Не знаю. Возможно, благо.
Не попробовав, ведь не скажешь?
И, попробовав, чу, промажешь –
Знаю ведь, никакой стрелок
Из меня. И если назначен срок,
То ни слова к тому не скажешь:
Как однажды встал, так и ляжешь –
Хоть марай листок облаками строк,
Хоть крутись всю ночь с бока ты на бок,
Уступай, борись, забывай, крепись,
Хоть клыком вцепись,
Хоть лежи, молись.

ПРЕДЕЛ I

Стол скромн. Дом стар.
Как и стар жилец.
И вечера плащ не по моде скроен.
Тыходишь как сын,
Уходя – отец.
Холодными звездами глаз засорен.
И дерево стен –
Не жилья конец,
А только то место, где света боле,
Чем вне.
Отделяя среди сердец,
Ломающих клетки ребра о крови
Волну,
Появляется Мрачный жнец.
И точкой венчает все буквы в слове.

ПРЕДЕЛ II

Стол скромн. Дом стар.
Как и стар жилец.
Пальцы в следах колец
Гладят собаку. Пар,
Вздымаясь над чашей, тает
Под абажуром. Тайны
В серых глазах уже –
Как сами красавицы
В неглиже – утратили суть.
Вечер в окно, что ртуть,
Втекает. И умолкает
Древо, лишаясь птиц.
Тень, как вообще в границ
Природе, деля на площадь
Тела все то, что прочим

Отмечено, говорит о том,
Что бóльшее – небо, дом –
Вмещают в себе пока
Сидящего старика,
Собаку и чашу, стол.
Высказанный глагол
Есть след от предмета,
Мета движения –
То бишь и сам бестел,
Как всякий пути предел.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ДНЕВНИК

Все побережье вздыблено от жара.
Взгляд с хрустом упирается в листву.
И в бледной коже супротиву естеству
Вскипает ощущение пожара.

Холм выбит о бесчисленных стопу
Туристов, забирающихся в тело
Деревни – отвлечением от дела
Насущного – чрез узкую тропу.

Засоленные в собственном соку
Барашки волн. И камнем черепаха –
Часть древности, что, избежавши праха,
На временное смотрит сквозь тоску.

И девичьего тела столь же много
Как волн – так что желание раздеть
Вдруг уступает невозможности смотреть –
И тянет к кубку (прочитаем «к Богу»).

АХОВОЕ

Наш апрель куда-то делся,
И пескарь ушел под лед...
Я проснулся и оделся,
Вышел, ахнул – вот так прет:
То форель идет стадами,
То среди берез и пней
Распускаются шарами
Пальмы, и среди огней
Девы на катамаране
В неглиже плывут по ней –
По российской по реке,
И у каждой меч в руке!

НИТИ

Зябко как в старом парке.
Ты, обманув себя,
Нить утончаешь Парки,
Думая, что, любя,
Можешь рискнуть и этим –
И, как ни странно, прав.
Времени все мы дети,
Что, закатав рукав,
В мутном ручье цепляет,
Словно крюком губу,
Сердце, но оставляет
Веру в твою судьбу –
В шутку, возможно. Зная
С кем, обручась, войдешь
В створы – напишем «Рая»,
Что охраняет дождь,
А не Петра засовы,
Более станешь смел.

Ночь в том же парке: совы,
Месяца желтый мел.
Всякая вещь, мерцающая
Гранью, сулит объем –
Равно как нить витая
Связывает вдвоем.

ДВИЖЕНИЕ ВОЗДУХА

I

Да хоть бы и так. Неделя
Проходит как семисвечник
В руке у раввина – в пальцах
Сторукого времени. Вина
Все выпиты. Стол задвинут
В нишу. И псы, что ищут,
Находят лишь запах. Спины
Холмов, как изнанка лика,
Поросшие чем-то диким,
Не плодоносят. Это
Есть общее правило.

II

Где-то – где ты, дорогая,
Под звездами спишь – нагая,
Кольшется воздух. Точка
Строки есть конец, но равно –
Начало другой. И в этой
Судьбе, о ладонь согретый,
Ложится пух летней ночи,
Смыкая с тобою очи.

ПАРИЖСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Лето. Пыль. Парапет с горгульей.
Голубиные крылья. Стулья
Стен и крыш вдоль холма стакана.
Жестяной фонарь. Влажный рот фонтана.
И среди чудовищ (читай – героев),
Коим вечность в камне зане устроив,
Взгляд находит даты как полустанки;
Имена последних, что суть останки –
Тут же видишь в вывеске ресторана.
Небо ждет дождя как сухая рана.
И зажмурив глаза, ты есть часть фигуры,
Распростертой выше архитектуры.
Двери помнят бессчетные руки,
Ты же – взгляды. Проспекта лыжа
Рассекает пространство, икая аркой.
Горизонт вдали переломлен палкой
Башни. Катящая волны Сена
Поит корни города словно вена.
Ты идешь один или же с подругой,
С коей вы не мыслите друг без друга...
Знаешь, это ль сегодня важно?
Ты, возможно, сутулый и червь бумажный,
Или же «звезда» – и когда с экрана
Ты летишь простреленный, твоя рана
Больше трогает публику, чем свои же –
Все пустое. Ведь для Парижа
Ты лишь тень меж рамами старых окон.
Ты один. Песчинка в руках потока.

ЗАБЫТЬЕ

Вернешься – сухие стены
Обнимут прочней железа.
Дом врос в забытье. Надрезы
На коже прибоа. Пена

Рождает не Афродиту, но
Мусор. Твое окно –
Воспоминая плену –
Закрывается. Веретено

В руке беспощадной Парки
Страшной острей меча.
И там, где была свеча –
Стоят в темноте огарки.

Так железы памяти стонут
Снастями на ветре – близ
Твоих фотографий. Из
Желтой поникшей кроны

Каштаны роняют птиц.
Зову, тщась понять законы
Природы дорог и лиц,
Гортанно, в пример вороны,

Или иного из
Не дружащих с нотой тел.
И если судьба кого-то
Нам дарит – таков предел.

ЖЕЛТОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Ты видишь то лицо,
Потертое о взгляд,
То ангелов в печках,
То в вешних лужах ад.

И на ночь под язык
Кладешь медаль луны.
И все, к чему привык, –
Не более чем сны.

Моя ладонь пуста,
Лишенная бедра
Под пальцами. Густа
Тьма полночи. Содрав

Еще один покров,
Находишь, что уже
Под следующим – кровь.
И таешь в мираже.

СИНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Перетянуто небо марлей.
На дорогах туман. И зелень
Тянет листья сквозь ветер. Метит
Тусклый купол, едва мерцающая,
Желтый Сириус. Опуская
Руки в такт говорящей глотки –
Я подобие утлой лодки,
Вставшей дыбом. И не смолкая
Бьет волна о причал, отметив
Место встреч Афродиты
В пене – с чувством холода.

Распластавшись, дорога плетью
Упирается в дом. Я в этих –
Как бы лучше сказать... началах
Всех историй могу заметить
Нечто общее: только дети
Так могли бы нарочно сделать,
Как случилось в вещей природе.
Это нашей с тобой породе – минус.
Одетый не по погоде,
Я ловлю твои взгляды в черном
Небе, усеянном сетью точек
Строк, написанных тем же черным –
Коль читатель не нужен Богу –
Только свет, чтоб найти дорогу.

УТРО СУДНОГО ДНЯ

Утро сжигает тьму.
Боги стоят спиной
К этому буйству. Ной
Где-то гребет веслом;
Словно плечом в косяк
Бьется волна о борт.
Желтый китаец вброд,
Вечный сажая рис,
Тащит мешок с луной.
Пóлог небес повис
Сдвинутой шторой. Лоб
Солнца, склоненный вниз,
Сетью покрыт морщин.
С вывернутых вершин
Сносит водой снега.
В путь не ведет нога,
Но плавники. И взгляд
Переполняет даль...

ПОСКОННАЯ ЧУШЬ

Мы, кто спросит, живы тута:
От метро одна минута,
Мимо хлебного, вдоль речки,
Там еще в одном местечке
Газ качают из земли
(Чтоб найти вы нас смогли,
Газ нарочно подожжен).
Мы не лезем на рожон.
Мы все мирные и тихи,
Ждем автобус до Барвихи,
Где по карте москвича
Получаем калача.
Учим песни вместе с массой.
Если митинг – дайте маску.
Если дождь – закрой окно.
Нам, по сути, все равно.
Мы друг с другом ладим дружно.
Мажем мазь мы лишь наружно.
И во всем во белом свете
Мы чисты и, яко дети,
Светлы помыслом. К тому же
Мы отчизне верно служим.
Держим рыбку в круглой банке.
И, вставая спозаранку,
На жужжащем вертолете
Мы без пробок – на работе.
Кто читал, а кто и нет –
Это, в общем, не предмет.
Лишь бы птицу в выси дальней
Не пугал наш шум вокзальный,
Так как все мы – за природу.
Вот лицо того народу,
Что в подлунном этом мире
Водку чистит на кефире.

ДЕПРЕССИЯ

Депрессия... как много в этом слове
Для сердца русского сплелось!
Сознание в своей основе
Есть сон... Но ночью не спалось.

Все дребезжало мутной дымкой.
Метался образ меж очей.
Тот, что далé создал волынку,
Наверно, так же... О, ручей

Небесной влаги, грянь о камень!
И раствори седую грусть.
Пребудет в сердце нашем пламень!
А не пребудет – ну так пусть

Хоть тлеет в сумраке строка –
Как утешенье дурака.

СУББОТНИЙ ГИМН

Тот, кто в субботу ползет на работу,
Кто, подавив нежный сон и зевоту, –
Кормит ли в клетке с руки бегемота,
Или же в бой направляет пехоту,
Или еще где-то как-то и что-то
Делает, даже когда неохота, –
Вроде героя с судьбой идиота...
Можно его не искать, так как вот он!

НЕСПОРТИВНОЕ

Лампа рыжим цветком
Нависает сверху.
Я лежу на матрасе,
Прижавши грелку –
Больше вещь, чем хомо.
И, может стать,ся,
Счастье в этом и есть...
Смысла нет держаться,
Идя, за стены.
Я сползаю вниз,
Расслабляю вены.
Все внутри срослось,
И вокруг наружность –
Безгранична, что
Колеса окружность.

ЗАГУЛЯВШИЙ ТОРШЕР

Осень есть переход. И, дивясь экстерьером,
Я, обутый в ботинки, тащусь среди луж –
Мокрым вороном и загулявшем торшером,
Что, ударившись в поиски ламп и зерна,
Себя видит вдобавок еще – пионером,
Космонавтом, врачом, покорителем дна.
Я бы шел – а вокруг колыхалась страна...
Нынче сжатая до (пишем, тут же стирая)
Тихой кухни. С красавиц покровы срывая
Мысль щекочет рукав – но бездвижна рука.
Так монета кругла и шершава по краю,
Как подошвой о воздух, шагая, играю,
Семеню по асфальту и листья срываю –
Не с ветвей, а с намокшего календаря.

ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ СНЕГ

Я помню Василеостровский,
Снег, ватой укрывший ботинок,
И линии, линии – накрест
Сквозь стены домов, сквозь заводы,
Такси, пешеходов, лабазы.
Куда-то идешь. С номерами
Сверяешь свой путь. Чьи-то фразы
Срываются инеем подле.
Невы скрыт от глаза парами
Струящийся камень. И род ли,
И век ли, и место...
В распахнутом платье невеста
В надушенном кабриолете,
Не глядя на холод, сияет.
Небесное серое тесто
Надежду на Бога вселяет –
Своей хмурой близостью. С этих
Парадных выходишь – и ветер
Тебя навсегда ослепляет.

НЕБОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

«Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился»... Где ж я, наконец?
Еще не на висках, но есть седины
(Как видно, нить прокладывает путь
Потоку). И не лавровый венец,
Но кепка головы венчает конус.
Не найдены и ни покой, ни суть...
Как пишут, жизнь составлена из полос,
Что мудрый собирает в паруса,
А тот, что прост умом, роняет волос –

Не с головы, но с головой. Отнюдь
Не жалко той реки, что дважды...
(По сути, жалко, но сказать грешно)
Что было в эти годы – и смешно,
И гадко... не осудит лист бумажный,
Как свойственно ему – и оттого
Чуть легче неприкаянной руке
Вести слова на тесном поводке.

ЛЬЕТ ДОЖДЬ, И НЕБО НИЗКОЕ

Льет дождь, и небо низкое,
Все серое кругом.
Наискосок от пристани
Стоит мой старый дом.

Мой дом – за остановками,
За пеленой дождя,
За строчками неловкими,
За тем, что от тебя

Осталось в талой памяти.
Стою я на углу.
В потеках темной комеди
Твой образ на ветру.

ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ

Чудеса случаются. И чаша
Из осколков собрана. Пловец
Пересек Ламанша зыбь. Отец
Триедин – как встарь. И наша
Снова армия червона как купель
На рассвете в церкви. И апрель

Взорван зеленью беспечного куста.
Жизнь прозрачна. Истина проста.
Бьют не барабаны, но капель
О карниз, украшенный цветком.
Плечи припорошены платком,
Взгляд – звездой.
Я пью одним глотком
Серебро прохлады. Молоком
Отливает над рекой туман.
Длится наш нечаянный роман.
Если слово бросить – свежий ветер
Шелестом листа тебе ответит.

КУДА ТЫ МЧИШЬСЯ, СЕРЫЙ АНГЕЛ?

Куда ты мчишься, серый ангел?
Куда стремишь свои крыла?
Ночь – холодна, звезда – мала,
Иль далека... На взмывшей штанге
Повис фонарь. Аптека. Лед.
Деревья ветер к низу гнет.
Как перстень на твоей фаланге
Лежит от рукояти тень
Зонта. И за окошком та,
Что, может, и не ждет,
Но помнит. И то неплохо... Суета
Увявших листьев под ногами –
Бессмыслица, мертвецкий пляс,
Однако же красиво... Нас,
С рожденья запертых замками,
Не переделать. Ну так что ж?
Друг другу мы тепло руками
Передаем. И каблуками

Тесним асфальт, покуда есть
К кому идти... Благая весть
И нас не обошла, мы в курсе
Спасения и прочих дел
Всевышнего... Суть наших тел –
Движение. В нормальном пульсе
Мы видим: организм здоров.
В дома таща земной улов,
Мы кормимся, ко сну отходим...
Впотьмах мы ощупью находим
Лежащих рядом. И плывем
Вдоль времени... Так мы живем!

Я УСТАЛ. Я ПЬЯН. Я СИЖУ. ПРИТИХ

Я устал. Я пьян. Я сижу. Притих.
Не скажу, что счастлив. Но что скажу?
Что обоев полосы в цвет олив.
Непрозрачен воздух. Неясен взгляд.
Надоедлив зудящий иглой мотив.
Киноварь смывает во льдах закат.
Что тепло есть только тепло своих
Рук – и нет никого кругом.
И сквозь щели ветер берет аккорд.
Что где есть ночлег, там и есть мне дом.
И брюшиной вспоротой виден порт
Из окна гостиницы. Но кругом
Черти вьют венки, что летят в волну,
По которым будут потом и нас,
Заваливших ребрами путь ко дну,
Узнавать в вечерний промозглый час.

ПУСТОТА РАННЕГО УТРА

Утро, гудящее холодильником.
Чай в желтой чашке, газета, стол.
Сбитый паркет. Ясень в парке гол.
Лист кроет лужу. В манер напильника

Кирха воздета в прозрачной тьме.
Шелест зонта. Ветер гладит щеку.
Кру́гом со сна мозг гоняет строку.
Тень мимолетно мелькнет в окне.

Лица прохожих – еще нечастых.
Черный ботинок. Трамвая звон.
Мертв и едва освещен салон.
Небо – мазками густыми пасты.

Это и я, и не я... Талон
Мокрой афиши мотает ветер.
В школы бредут с матерями дети.
Птицы срываются с голых крон.

ПРИВЕТНОЕ НОЯБРЮ

Эх, ладно уж, пришел – входи –
С мазками снега на груди,
С замерзшей лужей, птицей стылой,
И с первой вьюжкой, что так выла
В парадных вечером, пугая
В нарядной клетке попугая.
На Марсе, говорят, похуже
Бывают, чем в России, стужи...
Как видно, то судьбе угодно
Нас поселить в краю холодном,

Далеком морю с бирюзовой
Водой, с косматою козою,
Бегущей по скале над пиний
Зонтов раскрытых... Этих линий
Нет вдоль твоих, моих ладоней.
На подоконнике бегоний
В недоумении листы
Глядят на улицы: пусты
И сумрачны. Мосты
Над глянцевым стоят базальтом.
Ноябрь – не скрипкой, боле альтом!

СЛУЧАЙНАЯ ЭЛЕГИЯ ВО СНЕ

В пору, что жгут в октябре
Листья опавших садов,
Глаз, утопая в заре,
Плещущей между стволов,

Солнечно-рыж как тропа,
И одиночество всласть;
Вновь выручает стопа
Не позволяя упасть,

Съехав с откоса в траву,
Все еще пьющую сок;
Капает дождь на главу
Брошенной книги; висок

Чувствует воздуха дрожь,
Чувствует холод рука,
И образ мыслей похож
На тот же лист, что река

К морю бесцельно несет,
Дно затаив в темноте;
Смешаны шаг и полет,
Как части нити в мотке;

Я все иду сквозь туман
Утренних зыбких часов,
Точно преследуя план,
Свитый из виденных снов.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

Вот уж где не гадали – падали!
Постелить и соломы нет.
По колено мы стоя в падали,
Смотрим сквозь решето на свет.

Что-то выросло за оврагами –
Где-то там, где стоял бурьян...
Или это народ наш с флагами,
На манер тех филистимлян,

Возвращает Ковчег – а ну его! –
Много бед, да не виден толк.
Солнце в небе лучом рисуемо.
Снова Игоря собран полк;

Все готовы ко встрече с ворогом,
И воздеты мечи звенят...
Небо белым душистым твóрогом
Безразлично взирает. Ад.

В ГОРОД ПРИХОДИТ МГЛА

Ухо ловит писк комара – и вперед лица
Кисть возносится нервно, летя на всякий –
Это то немногое, что еще с яйца
Каждый умеет. Это, а также плакать.

Ты – не важно – движешься, спишь, одна,
С кем-нибудь, в доме, в холодном парке –
Даже светя звездой, не достанешь дна
Этой пропасти, или же просто свалки.

Что же молчишь? Ты где-то, но не нема.
Вечер подходит, холодной стопой сминая
С хрустом лучи, растущие из окна,
Этим твое молчанье напоминая.

Что-то такое кружит в голове, как то –
Полночь, постель, глаза, темнота угла...
Серого неба ветра теребят пальто,
В кое одетое в город приходит мгла.

СТАРОМУ УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ДРУГУ

Дворник чешет лужу метлой уныло.
Что-то сверху нависло – оно и светит.
Я читаю стихи, вспоминаю... было –
Семинары, книги, и сосны, ветер;

Были молоды – вовсе, без «но» и «впрочем»;
Были, видно, свободны, не зная сами.
Даже капля, товарищ мой, камень точит –
Так секунды и метры легли меж нами.

Где-то там, где среди проводов и прочих
Приспособ для таких вот, как мы, играний,
Мы чертили кривую промежду точек
И бозоны ловили, чадя парами.

Стройны девушки, помнишь, с гуманитарных?
Наш, конечно, для жизни не так пригоден...
Но зато фермионы, мы знали, в парах
Сохраняют спин по своей природе!

Чем живешь? И, наверное, дом достроил?
В полушубке идешь вперевалку с бани.
Отгоняешь кротов от своей моркови.
И чердак весь увешан теперь грибами.

БОЖЕСТВЕННАЯ АХИНЕЯ

Чего же ты ищешь? Вот Бог, вот порог.
Иль как у германцев: Вальхалла и меч?
Хотелось блеснуть, да не помню урок...
Когда не рукою касаешься плеч,

Но словом – тем, что в начале всего,
То думаешь, что ведь оно и в конце.
Всю жизнь хотелось всего одного –
Увидеть улыбку на милом лице,
Нащупать ту надпись на древнем кольце,
Царевичу вмазать на златом крыльце,
Иголку запрятать в утином яйце...

Как видно, хотелось всего одного –
Понять образ мыслей Того Самого.

ДЕВСТВЕННОСТЬ, ИЛИ ПОЭТУ О ШАХМАТАХ

Как не бывает девственность вторичной.

А. Свитин

...Как не бывает облачность яичной,
А также шум цикады – не глагол,
Но существительное. Как сказал монгол:
Здесь не найти гостиницы приличной,
Затем останусь в поле я с конем,
А стены уж сровняю с полом днем,
Ибо овце пастись удобней без
Изысканных готических чудес.
Что же до девственности, этот диспут стар;
Из символов какой-то там эпохи,
Где были лапти, кони, самовар,
А также царский пир и скоморохи –
Один он не утратил новизны,
Хотя в товаре этом нет цены
(Да род людской загадочен до черта...)
Глядя после двухсот с любого борта
Так ощущаешь качку на волне.
Так будем же довольными вполне
Возможностью поэта хоть яичной,
Хоть девственной назвать любую суть,
На том жнивье растя сугубо личном
Немногое, что взять доступно в путь.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШУТКЕ ФИОЛЕТОВОГО РЫЦАРЯ

Уже встречались не впервые,
Ведя неспешный разговор,
Как то ведут мастеровые
В вечерний час, сойдя во двор –

О тонкостях своих профессий,
О том, труднее что достать
Товар хороший... Поднебесий
И тьмы о том же судит рать.

«Что крылья?! Хвост иным мешает
С рогами... Крылья – мягкий туф.
Гораздо боле возникают
Помехи от последних двух».

На это ангел шурил левый
И, распахнув свои крыла:
«Размах-то видел? Как у древа,
С того, что Ева сорвала

Запретный плод. Что хвост с рогами...
Крыло не скроешь ни плащом,
Ни кардиганом с обшлагами...»
Меж тем закат горел борщом.

Разлились тени, стихли птахи,
Вздували люди в окнах свет.
Нам что папахи, что рубахи –
Коль в нас смешались тьма и свет...

ЗАТЕРЯННЫЕ АЛЬПИЙСКИЕ ЛИСТКИ

«Пророчеству исполнится пристало –
По уложению какого-то собора,
Или еще какой причине... кто бы знал?
Однако ж время для того настало.
И, коли его более для сбора
Чем требовалось было – просвистал

В одно седое утро рог гремучий
Над крышами в отрогах городка
Сокрытого от глаз – что хоть географ,
Его едва ли знаешь. В серой туче
Раздалось что-то вроде молотка
По жести (узнаваемый автограф).

Короче, грянуло! Пришла, того, пора.
Бидоны падали из рук в согласной ноте,
И пастырь местной церкви онемел,
В восторге заметалась детвора,
Пришел конец рыбалке и охоте,
Прогулкам под навесами омел,

И прочее, что угадать несложно...
Но то ли по прошествии времен,
А то ль от Провидения накладки,
Иль отдаленности селенья безнадёжной –
Тому не ведом нам с тобой закон –
Оно явилось со щекою гладкой,

В подрыснике, без посоха, без мула,
В сандалиях не слишком по погоде,
С какой-то книжицею в маленьких руках,
И плюхнулось, не дотянув до стула,
У стен ближайшей лавки – при народе,
Что взглядом шарил в зыбких облаках.

Что б ни было, но громкое “свершилось!”
Тому последствовало. Город ликовал.
Явившемуся – мэром дан прием.
Ведь важно, что веками гоношилось
В умах – таки произошло. Провал –
Заполнен. Все свершилось днем...

А ночью городок ...» – оборван лист.
Тот писарь был, как видно, оптимист...

СМЕЮЩАЯСЯ ПУСТОТА

Свет, в манер чужака, сторонится центра.
Тени мятой бумагой рисуют сценку
Из таинственных снов. Зубоскаля, эльфы
Наполняют углы. Воздух льет по шторе
Из окна, вымывая из неба то ли

Звезды, снег, древней пыль луны...
Нет прямых – все дугой волны –
Звуки, свет, аромат, предметы,
Мы с тобою. И в нас пустота, играя,
Улыбается нашей боязни края,

Улыбается нашей дороге долгой,
Перепутанным нашим свободе с долгом,
И всему тому, что как мышь в подполье
Прячет зыбкое тело от глаз досужих,
Безопаснее то находя, что уже.

СТРАХ

Местность, измеренная в шагах,
Дробится шагами на сумму мест.
По тем же правилам древний страх
Дробится на хищника, темноту,
Одиночество или в псах –
Хозяев отсутствие. Видя ту,
Что нужна тебе – получить отказ.
Страх не выдержать высоту
В себе – и, сорвавшись вниз,
Смешать с камнем кости. Раз,
По сути, с тобой мы плоть,
Наделенная жаждой, – твоей руки
Тень вдоль моей строки.

ТАЕЖНОЕ

В небе гарь. Гребень сопок сух.
День закручен в петли о божью голень.
Сжалась даль. И сосновый сук
На ветру бездвижен. Как будто болью

Сведена изнанка оврага. Ствол –
Некой грязной ногою того циклопа –
Закрывает от глаз горизонта стол.
Солнце – символ не света, но автостопа.

И летит, летит за тобою зов
Древней крови, давно замытой –
Тот же самый, что будит псов
На рассвете... Но дверь закрыта.

МНОГАЖДЫ НОВОРОЖДЕННОМУ

За вдохновение – спасибо Саше Черному,
За все остальное – всем остальным!

Годы – не камни, в мешок не сложишь.
Все, что дано, – оглянуться можешь
На те следы, что ведут к тебе же
(Кое желанье грядет все реже).

Здравствуй, родившийся в холод вьюжный!
Тот, что с годами сменить на южный
Берег свою вдруг решил отчизну,
Но не доехал. Кому на тризну

Свалят в курган ворох листьев белых,
Валенки, дудки да яблок спелых.
Вот и стоишь ты сейчас пред мною,
Тот, признаю я кого собою.

Вроде шестого туза в колоде –
Нечто чужое самой природе –
Многоязыко глаголя, племя
Точит словами и рифмой темя.

Тот же вопрос, что задал ей Черный:
«Финика хочешь?» Ее точеный
Профиль на фоне седого неба.
Жмусь в ожиданье тепла и хлеба.

Гладит листья шевелюру ветер,
Солнце асфальт на аллее метит,
И вдоль нее все, кто связан кровью
В прошлом и будущем, – все со мною.

В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ

И я однажды там сидел – ввиду колонн,
Свой тощий зад на парапет вознесь,
Сквозь крон лоя мелькающую взвесь
Черты застывших мраморных матрон –

У коих были имя, муж, салон,
Сердитый ожиданием поклонник.
Стул тяжесть принимал и подоконник
Их полнокровных бедер. Поролон

Клубился облака. Сапфир царапал шею.
Чертили ласточки. Зашкаливал в крови
Адреналин по ходу визави.
Короче, шли, разбитых ваз не клея.

Не все, наверное, но часть – не без того.
Что смертны? Да. Велик ли думать смысл?
Покуда Венус из волны выходит – с мыса
Маши ей флагом – ради Самого!

ЗИМА В МОСКВЕ

Зима в Москве. Сутробное рванье.
В холодном воздухе роняет воронье
Унылый крик, зовущий на погост.
Тень на асфальте заменяет рост

Дереву. Сомкнулись облака.
Домов стоят облезлые бока.
Истоптана Бульварного спина.
Прохожий! Эй! Когда уже весна?

ДЕКАБРЬСКАЯ ЗАРИСОВКА

Шапка, завязанная у глотки,
Любое лицо выставляет круглым.
Деревья, стоять предпочтя походке,
В густеющем воздухе – как бы грубым
Резцом раскрывая нутро под кожей –
Суть буквы кириллицы. Крик «О боже!» –

Свидетельство тела паденья (старше,
Чем тех, что орут, пролетая в санках),
Которое смесь из костей и фарша –
Подводят колени, стопа, осанка...
И купол, сияя меж древа вязи,
Очищен от всей, что известна, грязи.

АУТИЧНОМУ ЛИТЕРАТОРУ

Ты – вымирающий, как ящер, вид,
Сжимающий, что орган неприличный,
Не точенный от роду карандаш.
С годами так вопрос к подруге «дашь?»
Сменяется мельканием акрид
Над влажной грудью спящего в траве,
Пока танцуют двести в голове.
Ты, друг мой, аутичен как Гермес,
Ища в рванине слов свою мечту.
Твоей рукой, как видно, водит бес,
Несущей угощением ко рту
Не пищу, но живую пустоту.
Шелк тонок, ну а нить того – груба,
И сколь ни искушала бы губа
Тягучим словом деву ввечеру,
Один ты снова встанешь поутру.

Короче, как ни есть, твой якорь пал
На дно у тех неверных берегов,
Что лишены друзей, любви, врагов.
Но хоть бы ты и новый Робинзон –
Воздень свой флаг! И склеивать вазон
Расколотый – не часть твоей судьбы.
Будь счастлив, раз такой ты, – от ходьбы!

ЗОДИАЧНЫЙ БЕСПРЕДЕЛ

С задумчивостью, в позе суриката
Рассматриваю неба рваный край.
«Я вас любил...» с мелодией из «Брата»
Из окон тянет за моей спиной.

Какая ж ты, окружность зодиака?
Твои следы на пасмурном лице
Распахнутого космоса... Суть знака –
Все объяснить тому, кто ждет в конце:

«Да, я бывал нахален и задирист –
Сие во мне от символа огня...»
«Там, где живал я, – берег очень илист.
И я топил ее тогда любя...»

«Во всяком случае, ему я не по знаку!»
«Он не стрелец, Тамара – просто конь...»
«По положенью мусорного бака
Гадаю на судьбу...» «Покажь ладонь?»

ОВОЩ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

«Задумчивый овощ
Четырежды прокричал в ночи.
Дух мой свободен.
В руках – чаша.
Дождь».

«Куда ни пойду я – даль.
Слышна поступь трюфеля.
Яки спят на ветру,
Сны их – правда.
Вагон».

НЕПОСТОЯНСТВО СТАТИКИ

За стеной маяка непрерывен гул.
Я спускаюсь вниз, придвигаю стул.
Я сажусь на него и смотрю с досадой
В темноту, в которую как ни падай –
На пути не встретишь того предмета,
Коей мог служить хоть какой приметой.
Бог всегда чем-то большим грозитя пастве,
Чем хватает мозга застывшей пасте
Охватить – как будто в ночном кошмаре
Больше смысла, нежели в брючной паре,
На ходу к кровати небрежно снятой.
Воздух густ и пахнет засохшей мятой.
Подбираю слово – что часть привычки –
К самому себе – как к замку отмычку
Подбирает вор. Но за дверью пусто.
Ничего за ней, кроме злого хруста
Снежной крупки, забившейся в щели пола,
Шевелящего тени во тьме глагола.

Птиц не слышно – как ничего не слышно,
Кроме боя волн. Говорят, что выше,
Там, над пятнами неба в нависших тучах –
Светит вечно солнце. Но где тот случай,
Что подхватит нас и поднимет? Иже
С Ним покамест живем мы ниже
Этих туч. Однако ж непостоянство
Оставляет шанс нам объять пространство.

ГДЕ-ТО В ОСТАНКИНЕ

Среди наставленных, как бабы, новостроек
И доживающих скукоженных домов
Петляю шагом, вынося улов
Из павильона.

Ветер треплет плечи,
И облако размякшее увеча,
Им пачкает свинцовые равнины
Небесной тверди.

С видом балерины
Шагает, мельтеша стопами,
Красавица; прозрачные чулки –
Не по паре... Но красота дороже!
Шагать бы ей сейчас нагой в жаре,
Песок сметая пеньюаром с кожи...

Деревья – то ли спят, то ли мертвы.
Как бром, глотая сумрачные сны,
Клонится долу ледяной фонарь.
И режет горизонта мясо башня
Посконному что хлебопашцу пашня –
Ей горизонт.

Шершавые буйки пернатых. Альт
Автомобильной пробки. И асфальт
Ломит как зуб от ледяной воды –
Забросанный остатками руды
Из льда и сажи, так же ерунды,
Бросаемой чихающим прохожим,
Чей образ этим текстом преумножен.

НОВОГОДНЕЕ

Год кончился.
Его то торопили,
 то сдерживали...
Как бы то ни шло,
Год кончился.

Былое замело,
Что в старой песне.
И в пушистом снеге
Еще грядет оставить
 след стопы.

Год кончился.
Оглядываюсь в беге –
Улыбкой для тебя.
Ведь там, где ты, –
 остановилось время.

С высоты
Нас бережет
 хрустальная звезда.
А годы что?
Лишь талая вода.

РАСТВОРЕНИЕ В СИНЕМ

Путь как-то незаметно растворился
В шагах и перестал тревожить
Воображение своей конечной точкой.

И где начало дальше, чем возможно
Заставить повернуть себя, – ее же
Ты равно прекращаешь ощущать,
Как в сон скользящий ощущает ложе.

Рука, с обочины вздымая вверх предмет,
Его подносит к глазу, что находит
Счастливым всякий брошенный билет,
И прочее, к которому, похоже, все шло –
А не к каким-то дивным кущам.

Над головою небо стало гуще,
Слеза ему под стать мутнеет, гул
Сменяет в голове слова, одежду –
Теплый воздух, и ничтожен
Браслет часов. Вселяющий надежду
Небрежно озирает этот хлам.

Не то, что восходили мы к богам –
Но те не оставляли нас далеко,
Воздавши если должное шагам,
То в форме лишь гуляния без прока.

РАСТВОРЕНИЕ В СИНЕМ II

Не то что восходили мы к богам –
Но те не оставляли нас далеко,
Воздавши если должное шагам,
То в форме лишь гуляния без прока.

Путь как-то незаметно растворен
За чередой шагов, и не тревожит
Воображение конечной точкой – там,
Начало где чуть дальше, чем возможно
Заставить повернуть себя – ее же
Ты равно прекращаешь ощущать,
Как в сон скользящий ощущает ложе.

Рука, с обочины берущая предмет,
Его подносит к глазу – что находит
Счастливым всякий брошенный билет;
И будущее, видимо, приходит
Лишь к прошлому, минуя сей момент,
А не к каким-то дивным дальним кущам;
И ветры в поле, а не девы, хороводят.

Над головой сгущается зенит,
Одежда брошена, отказано словам,
Тот, сущее что с озорства творит,
С улыбкой озирает этот хлам.

ТО, ЧТО НАПИСАНО НА БУМАГЕ

...И то, что написано на бумаге,
Снедаемое как пропастями – глазами,
Прожилками линий струится вниз,
Где пятна случайно пролитой влаги
Встречаются с буквой как с равной.

Стол ровен и гол, колыбель аквариума
Мерцает бессмысленным глянцем в темень.
И воздух нагрет меж окном и теми,
Что, выкроив свой силуэт из тени,
Живут то ли правильной, то ли странной...

НА НЕВОЗМОЖНУЮ ВСТРЕЧУ

Далекий брат, не виденный доньше
С каких-то лет, что не запомнит мозг –
Не потому, что долго жил в Берлине,
Но в силу обстоятельств. В общем, мост

Между столетьем перекинуть проще
Нам оказалось, чем найти полдня.
Что, в сущности, не важно... Пол навощен,
В китайской амфоре поникшая змея,

Находчиво забитая на закуску.
Под абажуром собрана семья.
Минуя подворотен пакость,
Твоя фигура ломится, слюня

Солому сигареты, в дверь –
Исчезнувший, забытый зверь.

ПРИВОКЗАЛЬНЫЙ БЛЮЗ

Луч проходит углами рамы,
Мотыля оглушив в промежности
Бурых стекол. От панорамы
Тянет мускусом тел и нежностью
Разогретой подошвы, жаркого
Вдоль асфальта идущей, шаркая.

Циферблат отражен в кивающем
Капюшоне заката. Выклевав
С его блюда секунды, кратно
Вторит поезд гудком, обратно
Отрезая возможность броситься.

И висками пружиня ватно,
Кровь наружу в ладони просится.

ПЛОД ПЕРЕМЕНЧИВОЙ ПРИРОДЫ

Плод переменчивой природы,
Зрачком, не знающим клейма,
Чьих кораблей видна корма
Все далее – смотрю на своды:

Мой знак – любой; куда народы –
Туда и я. А женский род,
Источник будучи невзгод...
Лишь пленницы своей породы.

Пью вечером бульон, сжимаю булку
В ладони – символ торжества
Домашнего простого божества –
Того, что собирает на прогулку

Вдоль тихих тротуаров и прудов.
Синеет небо. Снег, сливаясь с гущей
Тьмы, видит в снах, наверное, ревуший
Вал бури... Не сорвав ее плодов,

Бреду себе, далекий от судов,
Событий, слов, переживаний чуда.
И что б ни появилось бы откуда –
Мой сонный взгляд принять его готов.

НА ОСИ КОЛЕСА САНСАРЫ

Вот плоскость –
Что можно представить столом, ареной.
Ее окружая, струится вена
Неясного сумрака, что углами
И дугами, словно печать от рамы,
Утраченной в ходе переселений,
Стесняет границы. Среди явлений –
Следы, точки света и чьи-то лица.
И каждого вид – белый шрам засечкой,
К которому поздно бежать с аптечкой,
Где швы, если были, уже затерты
Почти до глубин проживанья мертвых.
Над древними ужасом перед тленьем,
Запахом хищным за каждой тенью –
Твердеющей пеной встают, как кудри
На мраморной, в зелени ждущей кукле
Шумящего сада – все то, впустив что
И после как выдох вернув сквозь ребра,
Бросаешь бутылкой о борт –
И «в добрый!»

ХОД ФЕРЗЕМ ЕСТЬ МАТ

Все происходит во времени,
и в пространстве;
Иногда, мелькая во мраке станций,
Лица видятся белым пятном –
во тьме;
И воздух, набрав чернил,
Пробует языком закат;
Град, высыпая как многоточье,
Уступая в борьбе на прочность
Жару каменных плит,
Обращается частью камня –
Скоротечной как маска;
сам я,
Перетянутый в серый твид,
Прохожу сквозь пятно из света:
Для себя – непосредственно,
здесь,
и где-то – для тебя,
Где, я знаю, есть
Твои волосы, запах, клетка
Очертаний, где пойман взгляд –
но... не мой.
Ход ферзем есть мат! –

Если вдруг, конечно,
С ним не кончила чья-то пешка...

ДОЖДЬ ПЕНИТ ПЕСОК

Дождь пенит песок
И сдирает глянecь
С волны, над которой ранец
Выпирающей полутьмы
Укрывает запад до медных звезд,
Тяжело свисая как со спины –
С комьев ночи. Бутоны роз,
Обещая юности свои сны,
И старости – бред венка,
Принимают струи воды, слегка
Наклоня тернии – так рука
Принимает бокал. И тень,
Отмечая волосы, грудь, глаза
Общей линией, уходящей за
Мой, отмеченный ветром, взгляд,
Возвращает к тебе назад.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД МАНХЭТТЕНА

Окно повторяет стеклом асфальт.
День сжался до лампы. О муть Гудзона
Опершись стопами, Нью-Йорка мать
Стоит, освещая свободы зону.

Манхэттен погружен в вечерний чай.
Пирс пуст. И торчит торжество кубизма,
Цепляя низ неба о рваный край,
Кромсая туманы до вида призмы.

До уха доходит случайный всплеск
(Гул города минус – в манер константы).
Свет звезд, поделенный на их же вес,
Бросает в зрачок нам скупые кванты.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МРАКОБОР

- В списках не значится.
 - Проваливай!
 Следующий!
 - Это что за тщедушный
 в ветоши?
 - Нет уже, хватит...
 Такого выкормить...
 - Лучше ему оба глаза выколоть!
 - Стой, ты, с глазами. Погодь.
 - На кой ему?!
 - Стой, не вертись,
 говоря, спокойно!
 - Я ж напрямки!
 Не хожу окольно.
 - Больно! Товарищи!
 Мне же больно!
 - Всем, знаешь, больно.
 - Откуда следуешь?
 - Я вологодский...
 - Смотри! Беседуешь...
 - Мы об таких зажигаем уголья.
 - Ты хоть умойся.
 Похож на пугало.
- Ночь на поселок спускалась темная.
Нервно дышала страна огромная.

ЯВЛЕНИЕ ДОЛГОГО ПУТИ ГЛАЗУ ПУТНИКА

I

Невозможно объять необъятное – с чем здесь спорить?
Чрево, хоть выверни, есть не победы флаг,
Но лишь пути, отпечатавши влажный след,
Следствие. Кажется, много лет,
Сложенных накрест с длиной пространства,
Я не писал тебе. И это суть ответ
Ненависти моей к совершенно странствий.

II

Время идет. К годам прибывает снег –
Не столько вершин, но тротуаров, в лучшем –
Заломленных кепкой откосов крыш.
И вычитания рокот в стадах идущих
От суммы сцепления жмущихся к телу тел,
Теряется в их многоголосой гуще.

III

Местность, не располагающая к прогулкам:
Что ни шагни – борозда... но кость
Та же, что белой когда-то трубкой
Ляжет сюда, веруя в прочность мышц,
Стынет в прыжке. Я твой вечный гость
В этом пространстве – пустом и гулком.

ДВОЙНОЙ СОН В ХИЖИНЕ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Ночь. Онемело плечо. Гроза.
По углам натекло. Очаг
Еле тлеет, и легкий дым
Тянет тьму за собой к двери.
Холод лижет мои глаза.

В смутном сне я рука в руке
Прохожу меж домов, и тот,
Что шагает со мной – ведет
На ремнях свору псов, в крюке
Заложив поводков концы.
Вдоль дороги стоят отцы –
От безвестных, что в толще лет
Затерялись – до наших дней.
Пена капает сквозь резцы.
В окнах нет и следа огней.

Дальше – я просыпаюсь здесь,
Ощущая чужим все то,
С чем ложился вчера родным.
Выхожу – и иду на свет
Безвозвратно как серый дым.

ВЕЧЕР В СТАНИЦЕ

Я помню лето, вишню и полоску
Немеющего берега. И гарь
Жаровни, запаля газетой,
Которую питали мы бескровной
Увядшей мышцей. И большой фонарь
У самого крыльца, где на качели
Качалась ветошь вдоль по сквозняку.

И полуночной птицы трели,
Сбивавшие и мысли, и строку.
Станицу спящую, улегшуюся в пыль,
Которую, ощупывая, листья
Деревьев, шелестящих вдоль тропы,
Едва ли отличали от толпы –
Как гром похож на орудийный выстрел,
Так ветер на дыхание. Стопы
Тревожа зачерствевших кож,
Впивалась галька черная как саван.
И мы еще не понимали сами
Того, как этот вечер был хорош.

ЖАРА

Жара.
Город, дрожа маслянистой дымкой,
Сбирает, где может, горстями кожу
В тень облаков. И с немой ухмылкой
Луч ковыряет в глазах прохожих.

Жара.
Невесомым собачьим мясом
Примята под кронами лип трава.
И как видения – острова
Плывут от полудня минуты часа.

Жара.
Каждый шаг – суть скольжение
Вдоль кривой, загибающей горизонт
Вверх, где покачивает головой
Солнце, рассматривая нас всех.

СНЫ О ДЕТСТВЕ

Я все чаще вспоминаю детство.
Яснее, подробнее. Вижу
Как мое пятилетнее сердце
Рвется в беге. И это ближе,
Чем стакан на столе. Дверца
За холстом... Наклоняюсь ниже –
И в мерцанье пятидесятого герца
Различаю детали. Ты же,
Вытирая платком с лица
Пыль, меня снова в два роста выше –
Мать. И рука моего отца
Почти так широка, как крыша.

АД СПИНОЗЫ IV – НОЧНОЙ РАЗГОВОР

– Ты, Данте, оказался столь искусен,
Что, стоя впереди, окликнуть сзади
Способен. Как стрелка в засаде
Метающийся взгляд находит брешь
Рельефа переломанного меж –
Находишь место каждому, и всякий
Входящий, как написано, надежд
Лишен, что новорожденный одежд.

– Я более боялся той собаки,
Терзающей в пастях немую плоть.
И будучи не робкого я хоть,
Был рад тому зловонному болоту,
В которое меня... А впрочем, что там!
Где время вечно и мотает, как брелок
В руке, судьбу злосчастный трупа рок –
Там не до предпочтений. Твой кивок,
Сочту за знак согласия.

– В чем прок? Мне тоже, не поймите,
Был урок: взглянуть на эти сумрачные пляжи
С орущими, с которыми не ляжешь,
Красавицами. Та еще, вся в саже,
Была весьма... и даже более. Так вот:
Я (вечность долгая) вступил тогда во флот
Собой само, все офицеры – черти.
Сидим однажды у котлов и чертим
Фортеции задуманной эскиз
(Бумаги нет – но в изобилие кожа),
Что основанием уходит в Круг Шестой,
В котором, помните, еще тогда ты с той?
Короче, наш прожект не состоялся.
В делах строительных и там, увы, застой!

В СЛУЧАЙНОЙ ТОЧКЕ КОЛОРАДО

Очищенный до хруста небосклон
Разбит о линию горящегося камня,
Воронкой образующего то,
Что с точки зренья пешеходов и ворон
Есть населенный пункт, в котором сам я
Уткнулся, как волна в покатый борт,
В гостиницу от сети «Мариотт» –
Что, к слову, будучи на местности из самых
Высоких зданий – как бы некий форт
Собой являет окружающим ее
(Из артиллерии – кровати и белье).
Здесь тополя с прической аккуратной
Стоят вдоль содержащих пыль витрин.
И плотность тела изменяется в обратной
Пропорции от близости ко сну.
Фонарь роняет как рыбак блесну
На тротуар свой свет белесо-ватный.
И тьма на плечи липнет как сатин,

Пока идешь от магазина вин
До площади, очерченной квадратно.
Направо, меж заправкой и стеной,
Гуляет с воем ветер чуть за полночь.
А утром ты едва себе напомнишь
За завтраком этаж и номер свой.

ДОРОГА ИЗВИВАЕТСЯ ГОЛУБЫМ

Дорога извивается голубым
Вдоль желтого. Запах резины,
Бетона, булки, дремотного бреда,
Гулкий рокот мотора, метеориты
Сора, бьющего о стекло –
Все это рикошетом
Проносится как число
Сдаваемого билета.

Рваной строкой газета
(От неизвестной даты,
Неизвестного города) в эту,
Прошитую взглядами вдоль,
Жару – напоминает собой траву,
Растущую над скелетом.

Пальцы, поглаживая по шву
Истертые джинсы, ищут
Опоры. Без запаха или цвета –
Небо раскрыло поры,
И с воздухом смешанная вода,
Как вариант слепоты, когда
Еще остается надежда зреть,
Хлещет о нас как плеть.

БОЛЬШИНСТВО ИЗ ВСЯКОГО БОЛЬШИНСТВА

Большинство из всякого большинства...
Покойные – не ищущие родства,
Чуждые политического торжества,
Жажды к красавице сватовства,
Обладания чем-либо, воровства;
Бросившие обоймы,
Луки и стрелы, плети;
Изжившие слово «больно»
Из словаря и «я» – из алфавита;
Оставившие граниту,
Деревянными крестам,
Травам и ветру – литры
Воздуха, бывшего вздохом, криком;
Лежащие – подведенной суммой
Рукопожатий, бликов
Солнца на теплой коже;
Продолженные в похожих
На них – словно тонкой дымкой
Мерцающих среди живых.

ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

Мне снился сумасшедший дом,
Тревожный ветер и бульвар, покрытый
Хрустящим предрассветным льдом.
Дом, если только может сытой
Быть каменная вещь, был сыт
Своими квартирантами, вода их
Ручьями серой крови между стен.
Мне снились трупы сгруженные чаек,
Горящие вдоль берега. И плен
Луны ущербной, вставшей на карниз,

И чьи-то лица, забранные в раму,
В бессилии роняющие вниз
Свой взгляд на плиток пола амальгаму.
Между зубами киноплёнкой щёлкал
Язык на ныне мертвых языках.
И луч ломался бесконечно тонкий
В пульсирующих венах на висках.

ГОСПИТАЛЬНАЯ ПОЭМА I

Жизнь пациента – терпеливый бред.
Он сорок первым чертом на иглу
Приходится, расталкивая братьев,
Согласно распорядку, поутру.
Заглавным развлечением – обед.
История болезни – суть подшивка
На русском нечитаемых либретт
От опер процедурных тела бед,
А также предсказание грядущих,
Покамест до поры латентно ждущих
(Но, видно, неминуемых). Рассвет
Приводит к злобных пифий оживленью,
Глотанию то трубок, то таблет,
Что укрепляют трепетную плоть.
И можешь, мой товарищ, сутки хоть
Плененным зверем вгрызться в батарею:
Поломанных клыков рентген проверив,
И им найдут лечение за дверью,
По звукам за которую – редут
(По стонам раненых). И ладно, коль ведут! –
Иных безвольно на тележках катят –
Их рухнувший к гипотенузе катет
Уже дает не площадь, а длину...
Затем весь контингент идет ко сну,
Как в гнездах разместив себя в палате.

ГОСПИТАЛЬНАЯ ПОЭМА II

Я таскаюсь по дому в халате в клетку.
Я закапал капли, запил таблетку
Чем-то горьким и грею носками ноги.
Я, на градусник глядя, хриплю: «О боги...»
Я стал частью постели – и, между прочим,
Если вдруг выносить ту кровать рабочим,
Я и в случае этом с нее не встану.
Я теперь не станция – полустанок.
Я прошу у людей, что мелькают рядом,
То горячей пищи, а то и яду.
Дайте мне также яблоч и дайте водки –
Ведь она полезнее носоглотке,
Чем какие-то жидкости, в чьем составе
То, что ночью в каждом ломит суставе.
Я так пал, что уже сериал мне весел.
Что уж я для забавы на нос повесил
Золотое пенсне на шнурке и устно
Сам себе вещаю о том, как грустно
Быть таким вот рабом своего же тела.
Это способ бежать от любого дела,
При котором твои голова и ноги
На одной высоте – как в глаголах слоги,
Что написаны мною по тексту выше.
Я де юре здесь, но де факто вышел.

СТАРЫЙ ГРЕК

В Одессе, на Фонтане, в доме
С балконом по периметру, двором,
Зашторенным всем названным,
С окном, проделанным чуть выше –
Там где крыша под небом раскрывается столом,
Жил старый грек. Ступенями, что слышно

Всему соседству скрипом, во втором
Начале дня – часов в одиннадцать,
Он возвращался, путая веслом
Нагретый солнцем воздух. И бельем,
Как ветхим знаменем оседлого полка,
Ему двора маячила рука.
Он был рыбак и иногда катал
Приезжих в лодке. Миновав квартал,
Я снова вижу тропы от скалы
Идущие по склону. Из травы,
Как кажется, если пригнувшись глянуть,
Встает воды зеленоватый глянец.
И старый грек все тащится с веслом –
Как продолженье лодочного дна,
Отпущенное для просушки на
Поверхность.

ЭТО КАКАЯ УЛИЦА?

О. Мандельштаму

Рано кости в могилу укладывать.
Что же ты, расплясавшись, упал?
В звездной пыли лица ни угадывать –
Так хоть заново взять, что отдал.

По холодной стене неошкуренной
Тени валяются комьями вниз.
Глеет путь в полутьме недокурный.
Купол неба бездонный навис.

Пустота редким снегом заполнена.
Жизнь бьется как дверь о косяк.
За спиной – что сбылось... не исполнено.
На пороге – ты снова босяк.

НЕБО ПОЛНО КОСТЕЙ

Небо полно костей –
Чудовищных ребер, мысов
Подвздошной, углов локтей,
Высунутых нарочно,
Чтобы, ломая взгляд,
Падать, взлетев, назад.

Из мертвецов ногтей
Если построить нужно
Судно, то из костей –
Неба холодный ад –
Воющий, рвущий, вьюжный.

Гонит вдоль снега то,
Что лишено корней, веса...
Короче – хватки.
Вижу среди теней
Собственный образ шаткий.

Небо полно костей,
Бьющихся в дикой схватке.

ERBARME DICH, MEIN GOTT II

Ветер воеет, слянявя тьму
Едкой влагой. И над сторуким
Парком, щекою прильнув к нему,
Неба лик, как упавший фартук.

А земля, так привыкнув к праху,
Что ровняет с ним даже звезды,
Как ведомый на казнь – рубаху –
Небо рвет, принимая слезы.

Мы малы – мир окрест велик.
Что твой голос на фоне неба?
Что младенец и что старик –
Даже вмятины нет от следа.

Только вера в бессмертье душ...
Даже менее – лишь надежда
На итоги воскресных служб,
Что успеешь пред неизбежным.

ПИСЬМА МЕРТВОГО ВОИНА II

Пепел смыт водой. Наступаю на
Тени. Обозначеньем дна,
Слишком далекого для паденья –
Неба вывернутый зрачок.
Собака отстала. И, видимо, далеко
Люди. По вмятинам облаков,
По их отраженью в блюде
Лужи у ног – отмеряю время,
С углов оборванное как клочок
Бумажной обертки. Семя
Мертвой листвы вокруг
Впивается в амальгаму
Тусклого зеркала – телеграммой,
Брошенной на ходу слепцам.
Выщерблены луны
Последствием древней травмы
Холодно смотрят вниз.
Жизнь – не столько приз,
Но боле – холодный корень,
Ползущий, терзая время,
Трещиной сквозь карниз.

ФОТОГРАФИЯ 1903 ГОДА

Смотрю на фото большой семьи.
В центре – ребенок. На вид змеи
Витая решетка. За нею ствол,
Вздвигающий волнами от земли
Соки к листве. Одноногий стол,
Повторяющий плоскость пола,
С книгой. Следы глагола
Складками, собранными у рта,
Застывшего офицера –
Перед которым, наверно, та,
Которой служил он с верой
В счастье земное. И нагота
Неба за их спиною.
Этому фото чуть боле ста.
И каждый на нем – вне строя
Шагает, касаясь перстом перста,
Уже за чертой покоя.

ОЩУЩЕНИЕ ПОЛУНОЧНОЙ ТЕМНОТЫ В ДОЖДЬ

Рука касается то воздуха, то кожи –
Во тьме неподвижных, влажных.
Поодаль ссыпаются голоса
Песком меж камней. Бумажным
Шелестом трется дождь
О стены. Из рамы вождь
(Какой-то из них – не важно)
Смотрит с настойчивостью слепца
Незримых голов поверх.
В зеркале след твоего лица
Стирается, уступая тьме,
Раздробленной в крест в окне.

Все состоит, как то ловит глаз,
Из пустых квадратов,
Плюс морось фраз,
Требующих возврата
Того, что потеряно, – если то
И вправду бывало. В решето
Протертая память (читай: итог,
Лишенный слагаемых) между строк
Путает кровь и слова. Виток
Циферблата застыл бельмом,
И время в руке как вата.

ПРЕДСТАВИМ СЕБЕ ОДНАЖДЫ

Будущее... Представим себе однажды,
Встав над строкой, как сейчас, бумажной,
Ты – кто-то мне неизвестный вовсе,
Кто-то, чья кожа, глаза и кости,
Если со мной и столкнутся в деле –
Только тем кальцием, что я в теле
Чуть поносив, отдаю природе –
Как это принято: что-то вроде
Круговорота веществ в народе.
Ты, вероятно, живешь в России,
Раз то читаешь, что я насилию –
Взяв, так сказать, свой язык и волю –
Сором наотмашь словесным крою.
Я ничего о себе не скрою,
Что бы могло для тебя сгодиться –
То есть рассказ мой немногословен.
Думаю, есть в том числе и лица,
Что нам обоим с тобой знакомы,
Что твой пиджак как и мой был скроен
(Если же платье – то пусть из ситца;

Хоть нам с тобою тогда, сестрица,
Разное ночью должно присниться);
Думаю также, что та таблица
Перемножения – сохранится,
И Пифагор может быть спокоен
За отношения в треугольном.
Вот я сижу – ни носков, ни брючин,
Август жарой, как консервы, вспучен,
Двор перекопанный пуст и скучен,
Небо, как должно, команды «вольно!»
Суть воплощение. Хоть и больно,
Но не иду я проверить кости –
Образ пугает врача до злости.
Дом, если вычешь меня из массы,
Пуст. И потеками желтой пасты
Солнце питает поникший куст.
Это как срез на боку арбуза:
Влажно и сладко – хотя обуза
Годы тереться о взгляды, мысли,
Чьи-то тела и считать те числа,
Кои, мой будущий собеседник,
Как непременно стопы подследник
Сопровождают тебя до тленья –
Только осталось, что воскресенья
Нам дожидаться для очной встречи.
Впрочем, тебе не хочу калечить
Чувства – и сам-то совсем другое
Думаю, сидя сейчас с тобою:
Это прекрасно, что мы порою
Можем одною пройти тропюю.

ВЕТЕР ГЛАДИТ СОБАКУ

Солнце повисло как шар на нитке.
Из-за стены тихо льется Шнитке
С телеэкрана. И скоро новый
Год. На дворе как гнилая рана
Мокрый газон, не прикрытый снегом,
Через который, устав от бега,
Ветер, скользя пятерней вдоль шерсти,
Гладит собаку. Над серым шестом
В небо уткнувшейся телебашни
Рвутся туманы, сползая влагой
На распростертый внизу бумагой
Город. Бегу, задирая ворот,
Толком не зная, к чему же спешка.
На «е4» осталась пешка –
Но для другого, как видно, хода
Мне не хватило отрезка года.

ПСЫ, АЛЛЕИ, ПОВОДКИ

Ежик, яблоко, деревья.
Вдоль аллеи два еврея.
Башни, бани, самокат.
На тебе застывший взгляд.
Окна, мяч, стена в известке.
Поднимаю руки к звездам.
Над идущими в волне
Бог склоняется – вполне
Ясный с виду небосклон
За собой скрывает трон.
Это твой след. Это – мой.
Нас укрыла с головой
Темнота осенней ночи.

Месяц тихо тучи точит.
Холод здесь. И холод там.
Кожа пальцев по строкам.
Кровь тепла. Мерцает глаз.
Не доставленный заказ –
Город грозы огибают.
На деревьях погибают
Листья, птицы и жуки.
Псы, аллеи, поводки.

В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

Ну вот и год прошел кордебалетом...
Четыре всадника при латах, как и этот,
Что должен быть за каждым за плечом,
Не оттрубили снова. И поэты,
Сраженные бокалом да мечом,
Уже проснулись, видно, ото спячки
И ринулись творить во что горазд.
И в прачечных гуртом тоскуют прачки.
И миллионолетний горный пласт
Вновь жалят мужики с глубоких шахт.
И местный наш правитель (или шах),
Как в лунку рыболов, в твой телевизор
Заглядывает, дергая живца...
То дождиком, то снегом слегонца –
Погода на манер теперь английский
Наш проверяет нерв на олимпийский
Терпения запас. А та звезда,
Что привела, как света борозда,
Волхвов к яслям – все неустанно светит.
И мы – до старости что чьи-то каждый дети,
Ждем клеткота весеннего дрозда,
И верим в лучшее. И будет так всегда.

ТОЛПА ЖИВАЯ. ТЫ ЖИВОЙ

Толпа живая. Ты живой.
Идет неровным строем строй.
И древняя уже старушка,
С которой века с пол герой
Крутил роман назад тому,
Глядит на небо. Потому
Измерены и жизнь и век
Тем, чем не властен человек –
Ни метром и ни квартирой. Бег
Тем менее, мой друг, азартен,
Чем ближе к финишу.
И фартук уже испачкан не мукой,
Но мясом. И грядет покой,
Как сказано. И Тот, рукой
Что бельма с глаз срывал –
Срывает, слова начертаны Лукой,
С бумаги. Да овал луны
Все также в небе млечно бел –
Как брошенный ребенком мел.

ЭЛЛИНИЧЕСКИЙ ЭКСПРОМТ

Что, Харон, вздыхаешь горько?
Весла спущены до дна.
Это даль тебе видна
Дальше, чем твоим клиентам.
Эта ж даль тебе – не лента,
Но окружность. Видно, в ней
Заскучал ты среди дней
Бесконечных. Медяки
Стынут кучей у реки –
Больше могут у сельмага
Затоварить мужики,

Чем ты тут. И вся бумага,
Что исписана тобой, –
То ли стих, а то ли вой.
Как Сизиф за недосмотром
Закатил свой камень ввысь,
Обнаружив там, кажись,
С тыщу и других... К воротам
Неизменно прет народ –
Пес скучает, что не тот,
Что уже весь перевелся
Тот, что шел наоборот –
Как во времена Эллады...
В каждой во системе надо
Хоть какой не крупный сбой,
Чтобы радовать собой.

ДАРВИНИЗМ В ЗВЕЗДНУЮ НОЧЬ

По картине Ван Гога

Тьма пляшет, и небо вихрится –
Над тополем, кирхою, стропами
Петляющих улиц, холодной
Грудью холма, свободно
Свисающей плетью тучи,
Несвежим бинтом дороги,
Ширмами виноградников,
Над силуэтами всадников,
И бьется о конские ноги
Звезда, что роса в бурьяне,
И шепчет твоя: «О боги» –
В луны золотом сиянье.

КАТОЛИЧЕСКИЙ ЭКСПРОМТ В БЕРЛИНЕ

Галерея пуста, что череп.
Сколько б ни шел я через.
Поднят штативом кирхи –
Месяц. И пятна на простыне
Черного неба – в моем окне
Десять ящериц-звезд,
Огороженных белой рамой.
Я пьян и свободен. В самой
Первой секунде мне,
Еще не умеющему дышать,
Было видение тьмы
Шестиугольных лиц –
И это была зима.
В шелесте ее спиц,
Равно пригодных для
Кости и колеса –
Лица всех тех убийц,
Что та и есть коса
В сумме пустых глазниц
Наших предтеч. И птиц
Комья летят в рассвет.
К берегу, что корвет,
Припорошенный борт
Ставит к окну февраль.
Что это значит – год?
Где это место – даль?

О СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПИИТСТВА

В багряных разводах моря
На закате, в поздний час...
Или на раздольях поля –
Как угодно, все для вас! –

Встретил друга я пиита:
Выбрит, трезв и не хамит,
Стойка типа сталагмита...
Ну, короче, всем пиит.

Говорит... простите, молвит
Мне товарищ, глядя вдаль:
«Огород три дня не полит!» –
Голос черный как рояль.

Я от сих сентенций сдулся,
Прямо скажем. Экий жук!
От него я отвернулся.
Думал я, что ты мне друг...

Ну а ты ж меня испугом
С головою! Как же так?
Ведь и мой заброшен угол...
Я ж по всем статьям – дурак!

Всюд – непоеные овцы,
Дети в порванных пальто,
За долги бранят торговцы,
Жены в ношенных манто...

Не хозяйство у пиита –
Но дыра темнее вод.
Лоджия плющом увита...
Книга, кресло, небосвод...

ТОВАРИЩАМ ГЕЙШАМ

Дорогие товарищи гейши!
Значит... я бы хотел вас поздравить
С днем профессии... Так же оставить
В память праздника этот новейший
Пылесос, что имеет насадок
Сто пятнадцать – которая надо
Вещь такая в хозяйстве... Теплейший
Вам привет от селян и колхозниц!
Вас, что оптом, что, значит, в розниц
Брать наш цех обязуется в плане
Смычки города с селами – в бане,
В производственном, значит, процессе...
И чтоб вам здесь прибавилось в весе –
Молоко и гречиху за вредность!
Что ж вы... Сядьте, какая там бедность?
Это пусть вам в иных государствах
Ищут бедные бинт и лекарства.
Наш, касаясь, колхоз не из бедных.
Вас, покамест худящих и бледных,
Мы во всю широту принимаем.
Вы не плачьте, мы все понимаем!
Императору, значит, с запасом,
Мы оплатим породистым мясом,
И зерном, да курей жирногрудых
Им подарим в развод. Хоть и трудно,
Но почетно работать в крестьянстве!
Почитай, не замечены в пьянстве
Мужики наши – это вам плюсом.
Это, значит, с любым белорусом
Будет вам и комфорт, и удобство.
Вот, смотрю я, поднялось жидовство:
Тоже, значит, вас брать на поруки...
Мы, портки поменявши на брюки,
Тоже щи не хлебаем колошей.
Вам здоровья и смены хорошей!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1.

ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ

Я запомню тебя такую	4
Любовь	6
Кармен, напейся!	6
Потому что, летя над морем	7
Полуночный ответ	8
У нас не было общего дома	9
Долгожданная встреча	9
Воспоминания на пирсе	10
Письмо шляпника	10
Восемь	11
Вечерние римские размышления (вспоминая Анэйтис)	12
Любовь разбилась не о быт	12
О любви, соснах и сиренах	13
Кто мы?	14
На ходу о поэзии и любви	14
Осенние размышления опоссума	16
О, бланманже!	17
Запах влажного ветра	17
Два четверостишия женщине	18
Весенний экспромт	19
Ожидание встречи	19
Три зимних четверостишия о любви	20
Женщине	21
Эпистолярное признание в любви	21
Дурацкий экспромт о любви	22
Еще не веришь в снег, но уже – в холод	22

Золушкам и принцессам	23
Короткое стихотворение о любви	24
Я поехал, привет!	24
Малая летняя фантазия	25
В те годы, что Мадрид стоял в огне	26
28 сентября	27
Лебяжья канавка	27
Пенелопе русского края	28
Необъяснимое чувство части	29
Летние иды	29
Созвездие	30
О любви как явлению срединного пути	31
Небо под Берлином	31
Шторм на побережье	32
Письмо о несостоявшейся прогулке	32
Вуле ву куше авек муа и прочая	33
Письмо из другой части города	34
Нигде	34

Часть 2.
ЛАВКА ВРЕМЕНИ

Вечная игра	37
Там, где небо смыкается с травами	38
То, что выжило	38
Купола	39
На холодной скамье в Рождество	39
Парижская прогулка	40
Память на лица	41
Бесцельное	42
Щенок	43
Дурной посев	43
Гимн бегущего носорога	44
Синий путь к божеству	45
Пацаноповесть	45

Девы душистые	46
Сон грядущего Одиссея	47
В лунном свете	47
Морской пейзаж	48
Песнь лилового краба	49
Шепот	50
Газетный лист	50
Мальтийский скульптор	51
Спирали (Крещатик)	51
Лорд Тротуар	52
Скучающий патриций	53
Сон	53
Выхожу на	54
Ответ через два тысячелетия	55
Поцелуй Судьбы	56
Разница взглядов	57
Бог смотрит в окно	58
Вечерняя Москва	59
Привет, друг	60
Рождение нового мира	60
Пастбище	61
Прощай и ты (слушая Гайдна)	61
Родина	62
Экспромт выходного дня	63
Я что-то, верно сказано, не видел	64
Танцор	64
Прогулка	65
Кольца судьбы	65
Сюита мужского существования	66
Я видел (в полночь за столом)	67
Тридцать шестая прогулка	67
Черный сон	68
Предметность	69
Я рад внезапной встрече	70
На ветру	70
Театральной гардеробщице	71

Летнее кафе	72	На смерть Пушкина	97
Моллюски небесные	72	Видение народного бунта	97
Два четверостишия о парке	73	Бессонница	98
Тропа нашей жизни	73	Быть нерожденным	98
Жизнь можно начать сначала	74	Предел I	99
Дыханье твое на моих руках	75	Предел II	99
Зодчий	76	Средиземноморский дневник	100
Незавершенное оглавление	77	Аховое	101
Видение архангела на руинах	78	Нити	101
Старая фотография парижанина	79	Движение воздуха	102
Абсурд	80	Парижский полдень	103
По следам наутилуса	81	Забытье	104
Осенняя прокламация	81	Желтое стихотворение	105
По облаку в каждой руке	82	Синее стихотворение	105
Рок земной	83	Утро судного дня	106
Жизнь твоя не принадлежит тебе	83	Посконная чушь	107
Ночь в Берлине	84	Депрессия	108
Новый Одиссей	85	Субботный гимн	108
Городское безумие	85	Неспортивное	109
Океан	86	Загулявший торшер	109
Наше имя	87	Василеостровский снег	110
О жизни и ее тайнах	87	Небожественная комедия	110
Где-то в Нью-Йорке	88	Льет дождь, и небо низкое	111
Наставления Золотому Кальмару	89	Чудеса случаются	111
Шелест крыльев	89	Куда ты мчишься, серый ангел?	112
Поэт тщедушный, пленник страсти	90	Я устал. Я пьян. Я сижу. Притих	113
В паспорте у планет	91	Пустота раннего утра	114
Февральская элегия	92	Приветное ноябрю	114
Ночь в Лодзи	92	Случайная элегия во сне	115
Если перетирается нить	93	Историческое	116
Одинокая кончина судового врача на острове	93	В город приходит мгла	117
Нас всех несет на камни	94	Старому университетскому другу	117
Легенда о Сизифе	94	Божественная ахинья	118
Легенда о Сизифе (Нуар)	95	Девственность, или Поэту о шахматах	119
Спокойствие	95	Предисловие к шутке фиолетового рыцаря	120
О явлении тела, времени и расстояния	96	Затерянные альпийские листки	121

Смеющаяся пустота	122
Страх	123
Таежное	123
Многажды новорожденному	124
В Люксембургском саду	125
Зима в Москве	125
Декабрьская зарисовка	126
Аутичному литератору	126
Зодиачный беспредел	127
Овощ просветления	128
Непостоянство статики	128
Где-то в Останкине	129
Новогоднее	130
Растворение в синем	131
Растворение в синем II	132
То, что написано на бумаге	133
На невозможную встречу	133
Привокзальный блюз	134
Плод переменчивой природы	134
На оси колеса сансары	135
Ход ферзем есть мат	136
Дождь пенит песок	137
Математический этюд Манхэттена	137
Революционный мракобор	138
Явление долгого пути глазу путника	139
Двойной сон в хижине перед рассветом	140
Вечер в станице	140
Жара	141
Сны о детстве	142
Ад Спинозы IV – Ночной разговор	142
В случайной точке Колорадо	143
Дорога извивается голубым	144
Большинство из всякого большинства	145
Помешательство	145
Госпитальная поэма I	146
Госпитальная поэма II	147

Старый грек	147
Это какая улица?	148
Небо полно костей	149
Erbarne Dich, Mein Gott II	149
Письма мертвого воина II	150
Фотография 1903 года	151
Ощущение полуночной темноты в дождь	151
Представим себе однажды	152
Ветер гладит собаку	154
Псы, аллеи, поводки	154
В ожидании весны	155
Толпа живая. Ты живой	156
Эллинический экспромт	157
Дарвинизм в звездную ночь	158
Католический экспромт в Берлине	158
О социальных последствиях пиитства	159
Товарищам гейшам	160

Литературно-художественное издание

Оак Баррель
Лавка времени

Стихотворения,
написанные в ходе созерцаний
и путешествий

Выпускающий редактор: Т. Евтеева
Корректурa: Е. Оспенникова
Компьютерная верстка: А. Шатунов
Дизайн обложки: Д. Шилов

Подписано в печать 00.00.2014
Формат 60x90/16
Бумага офсетная
Тираж 150 экз.

ООО «Авторская книга»
Москва, ул. Большая Никитская, д. 50/5
Тел.: +7 (495) 215-14-25
www.izdat.ru